

ЛАБИРИНТЫ ИСТИНЫ

Этьен КАССЕ

КОД
НИБЕЛУНГОВ

Власть богатства и механизмы власти

Этьен Кассе — первые еще никогда не публиковавшиеся исследования. Очередная «шутка» бесстрашного автора — мифологическое расследование и современные факты, оживляющие мифы. Что или кто управляет человеческим обществом? Знали ли об этом люди, записывавшие саги? Вечные темы: любовь, власть, золото, смерть — просто ли факты жизни или рычагидвигающие цивилизацию? Почему исследователи различных сфер снова возвращаются к тайне «кольца Нибелунгов»? Что их привлекает? Клад — символ, оружие или средство обогащения? Этьен Кассе — ранние тексты — гиперактуальные записи.

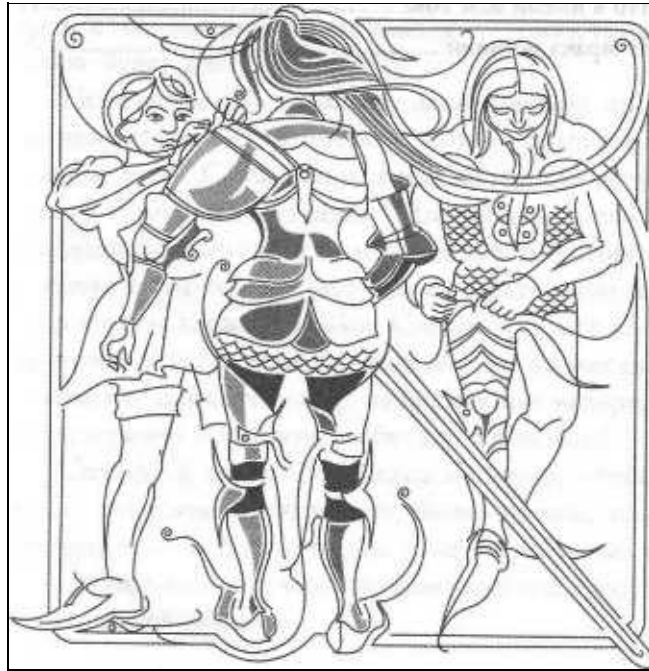

Этьен Кассе

Код Нибелунгов

Власть богатства и механизмы власти

И снова здравствуйте!

Я, Этьен Кассе, предлагаю вам, мои читатели, снова погрузиться в мир тайн и загадок. На этот раз я хотел бы оглянуться назад и обратиться к моим первым исследованиям. Эти рукописи никогда еще не публиковались, хотя были созданы уже давно. Сначала я не думал выпускать их в свет, но судьба улыбнулась белозубой улыбкой, и я решил в очередной раз поспорить с ее авторитетным мнением. Посмотрим, каков будет счет.

Перелистывая страницы, я вспоминаю прошедшие годы, романтические, наполненные ожиданием чуда. Сама жизнь тогда обращала меня лицом к мифам и легендам. Мне казалось, что в них зашифрованы ответы на те вопросы, которые я задавал сам себе. В результате, ответы получались совсем неожиданными. Следуя тропами мифологии, я наткнулся на реальных исторические открытия, попадал в мир параллельной истории и растерянно спрашивал себя: где же истина?

Сегодня я вижу, что истина не в том, чтобы точно ответить: было или не было, правда, или не правда — а в том, чтобы увидеть реальные и возможные события и их последствия для нашей сегодняшней жизни.

Тайна кольца Нибелунгов не закончилась в древние времена, вместе с гибелью героев, она протянула свои параллели до нашего времени, определяя многие судьбы. Переплетение мифологических сюжетов и характеров многих реальных исторических персонажей наводит на весьма острые предположения.

До сих пор ищут сокровища Нибелунгов, до сих пор не раскрыта их тайна. Не то чтобы меня интересовал их клад. Пытаться обогатиться за счет легенды, было бы наивно и смешно. Но сама его загадка, связанная со многими загадками вплоть до странных совпадений истории этого народа с происшествиями времен второй мировой войны, наводит на интригующие размышления о «счастливых» и «несчастливых» символах власти, богатства, управления. Особенно в эпоху кризиса, когда так притягательны нечаянные сокровища. Как и что нами управляет: деньги, любовь, власть, гордыня, страх?

В легенде о Нибелунгах сокровища трактуются, как воплощение власти: могущество принадлежит тому, кто владеет золотом. А представление о том, что богатства властителя представляют собой его магически материализованное «счастье», «удачу» — к центральным идеям.

Завязываются сюжеты и вот через Десяток лет, мои исследования и догадки не потеряли для меня ни смысла, ни интереса. Возможно, я должен буду продолжить поиски. А пока хочу познакомить вас с теми материалами, которые были добыты и проанализированы тогда. Это живой, непосредственный взгляд на миф через призму жизни и истории. Многие тогда желали, чтобы я поделился своими наработками, но что-то удержало. Интуиция, видимо, подает очень хорошие советы. Мне кажется, именно сегодня «отлежавшиеся» мысли могут принести пользу не только отдельным лицам или службам, но и моим читателям, которые следят за детективом под названием жизнь уже не первую серию.

Я благодарен людям, которые уже тогда поделились со мной многими материалами. Каждый факт, каждая гипотеза — это ценность сотрудничества и готовности исследователей помочь друг другу. Конечно, я как всегда, не стану претендовать на истину в последней инстанции. Моя задача заставить вас задуматься над еще одним пластом жизни, осветить еще одну таинственную дорогу.

Скажу лишь одно: прошлое проникает в будущее, если мы теряем его нити в настоящем, мы

теряем нити самой жизни. А идти вслепую или пользуясь чужими глазами, согласитесь. Как-то обидно.

Итак, кольцо Нибелунгов: семейная сага, пророчества государственных переворотов, философия власти и богатства, история любви богов и людей, миф или карта неразгаданного чуда?

Я предлагаю вам свои первые находки. И сам совершу вновь это путешествие.

Сказать, что можно начать эту историю «с самого начала», означало бы веру в то, что у нее есть конец. Но это была бы ложь. Ибо нет у истории сей ни начала, ни конца.

Есть только извечный поединок воспоминаний и забвения. Забвение, как водится, оказывается сильней. Борьба правды с ложью заканчивается на покинутом поле боя, где после не остается уж ничего, кроме немых руин забвения.

Такова история моей семьи. Все слышали ее столь часто, что тут же закивают головами: мол, как же, знаем, знаем.

И расскажу я вам не о героях легенд, что блуждают по глупым и вздорным песням. Я расскажу о настоящих людях. Я знаю, как выглядели они, как говорили, как жили.

О, как бы я хотел, чтоб это и в самом деле была всего лишь история моей семьи, семейное предание. Нечто, что хранится в памяти каждого, от чего мы все бежим и что, несмотря ни на какие обстоятельства, открывает нам истину о нашей сути.

Втайне, укрывшись в коконе моей тишины, в безучастности к глупости и жестокости, окружающих меня, я желаю, чтобы мне навеки остались мои воспоминания о погибших, забытых и истерзанных. Чтобы картины памяти моей объяснили мне все необъяснимое, помогли постичь тайну истории, что держит меня в этом мире, в котором мне так трудно отыскать себя.

Когда моя мать рассказывала эту историю, позднее, уже в болезни, она всегда начинала свой рассказ так:

— Когда боги скучали, они затевали игру. Они бросались всеми нами, подобно камешкам рун, и потрясали нами во тьме. А Один смеялся: «Вот и посмотрим, куда угодят они». И смеялись его враны.

— А потом боги наблюдали за нами, за нашими попытками выстоять. За нашими ошибками, — говорила она и долго, пристально смотрела на меня.

Кем был я в ее глазах? Ошибкой? Или она считала меня прощением за те ошибки, что совершила сама? Прежние ошибки, новые ошибки — да какая богам разница.

Я уже давно не ребенок. Я не верю в богов и их игры. Я верю лишь в ветер и его слова. И я не безумен, даже если все вокруг считают иначе.

Моя мать была королевой на островах.

Лишь старики помнят о ней. Никто не учит имен ее предков, ибо хотят забыть о них. Даже старики, что знали их, бояться теперь вспоминать. Ныне говорят, что была моя мать богиней, рожденной из огня и льда, что и не человек она вовсе. Какая глупость.

Я помню о моих предках.

Мать моя была Брюнгильдой Свенкесдоттир, дочерью Ильеы, дочерью Свенка, что из рода королевы Йенки с голубыми зубами (?).

Имена моих предков сияют ярче, нежели начищенный щит в лучах утреннего солнца. Это были сильные и смелые воины, великие лжецы и великие мыслители, великие короли и королевы своего времени. И никого из них я не забуду.

Так случилось, что в день, когда родилась моя мать, король Свенке был сначала

усталым, затем счастливым, затем гордым, пугливым, беспокойным и под конец сердитым. Никто не мог припомнить, что когда-нибудь король выказывал подобную смену настроений.

Старухи уже тогда заговорили, что Брюнгилда была той, которая способна разладить обычный миропорядок.

Первым словом ее, ясным и непостижимым, произнесенным с улыбкой, стало «Нет!».

«Злые сокровища»

Ну, что ж, отправляемся на поиски сокровищ. А точнее, их следов. Мотанем-ка вспять ленту времени прямо с того места, где стоим. И первым встретим кого? Правильно, Толкиена с его, не побоюсь этого слова, эпосом. Вот вам и недавние, свеженькие, еще не затоптанные следы сокровищ Нибелунгов. Не верите? Сомневаетесь? Напрасно. Милости прошу: для начала, хотя бы из чистого любопытства, познакомьтесь внимательней с биографией создателя Голлума — Джона Рональда Р. Толкиена (1892–1973), профессора англосаксонских языков и литературы Оксфорда, специалиста по северным мифам. Вам быстро станет ясно, что царство эльфов, гномы и... (вот тут нам особо интересно!) сокровище Голлума — все это родом из средневековых легенд, детальному изучению которых почтенный профессор, несомненно, посвятил долгие туманные вечера...

А теперь читаем финал «Властелина колец». Что видим? Голлум падает вместе с кольцом власти («мое сокровище», «моя прелесть») в бездну Ородруина. Так совершается предначертанное Роком: сокровище несет смерть и забвение своему владельцу (даже Бильбо и Фродо, невинные хоббиты, и те на время попали под власть кольца). Мотивчик «злых сокровищ», согласитесь, весьма узнаваемый и ни для кого не запрещенный.

И когда читаешь кульминационные главы «Властелина колец», то перед внутренним взором, конечно не сразу, всплывают зал во дворце короля гуннов Этцеля и гибель Нибелунгов. Но сокровище Голлума у Толкиена — это в определенном смысле сокровища Нибелунгов. Почему? По признаку «гибельности». Это сокровища, становящиеся проклятием для их хозяев, требующие борьбы, войн и смерти и в конце концов исчезающие с лица земли (причем совершенно неважно, где именно исчезающие: в огне горы Судьбы или в водах Рейна).

По сути, извечные мотивы легенд и их герои прочно «прописались» в нашей коллективной памяти. Светлый образ Зигфрида, его мрачный антипод Хаген, печальная вдова Кримхильда и «злые сокровища» Рейна кочуют под иными именами из сюжета в сюжет, из прошлого к будущему и обратно. Уж не лентой ли Мебеуса окажется наша лента времени? Как знать...

Но мы, однако, увлеклись. На этом месте пора остановиться и сформулировать вопрос, побудивший нас к поиску: а кто же они на самом деле — те, что вошли в историю под прозвищем Нибелунги?

Когда боги призвали владык мирских прийти в движение, короли востока, юга и запада потянулись в Рим. Возможно, возлюбопытствовали взглянуть на Рим — тот, который уж пал.

Рим был подобен старому псу, жившему слишком долго. Сначала злой и жадный, затем ожиревший и ленивый, а потом слепой и беспомощный. И когда узнали, что старый пес ослеп и лишился сил, его уж перестали бояться, забыв о том, как опасен он был когда-то. Рычание Рима было теперь подобно кашлю, выдававшему его слабость. И они пришли.

С запада пришел князь, живший страхом. С востока пришел владыка, желавший победить. С юга пришли князья, желавшие утолить свой голод. И до того как обрушиться на старого слепого пса, на Рим, они ворвались в земли бургундов.

С востока сюда пришел князь, имевший множество имен. Он был подобен огню, пожиравшему все встречавшееся на его пути, и рвался дальше, не оставляя по себе

ничего, кроме смерти и пепла. Еще сегодня его именем пугают детей на Рейне. Черный человек звали его.

Он был ужаснейшим из всех королей. Неважно, сколь часто побеждал он. Ему никогда было не насытиться победой. Обретая золото, он бросал его в сундуки, земель ему было не нужно, ибо тогда ему пришлось бы остановиться.

Этцель было его имя, великий владыка, великий отец.

Этцель, так на севере зовем мы Атилла, а на юге имя ему Атилла, о его славе слышали все мы. Этцель появился в бургундов, чтобы побеждать, убивать и идти дальше, он не мог остановиться на месте.

Князь запада был молод и необуздан, он пришел в земли бургундов, ибо боялся. Он боялся голосов в воздухе и теней в своем шатре. Его брат шел вместе с ним и вместе с ним спал на шкурах. Людегер, Пугливый, и Людегаст, Страж Пугливого, — двое, что боялись всего. Людегер явился в земли бургундов, ибо это было его испытание перед Римом.

Князь юга звался Теотмарик. Он предводительствовал армией вечно странствующих, бездомных, вечно голодных, больных и жадных. Шел во главе усталых людей, рабов потерянных земель.

Мужжи, боролись, исполненные ужаса, а женщины от нестерпимого голода пожирали собственных детей. Теотмарику срочно требовалась земля для его пострадавшего племени. Теотмарик пришел в земли бургундов, чтобы добыть пропитание в случае победы.

Все оттого, что не подчинялись они богам, эти князья смерти, страха и голода. Не подчинялись и ныне расплачивались за свое неподчинение. И вороны Оди- на кормились их плотью.

От одного из сих князей появится Гунтер Бургундский, слабый король.

Сын Гибиха, сын Утте. Я знаю его предков.

Гунтер, названный по отцу племени Гундахару, был старшим, за ним шли Гернот, Кримхильда, дочь Гибиха, дочь, которую тот ценил превыше всего. Гибих любил Кримхильду куда больше сыновей.

А Гунтер был толстым неумехой. На коня садился лишь с неохотой, к оружию относился с опаской и вечно прятался в покоях у своей матери. Зато ел с жадностью, иных предпочтений вообще не выказывая.

Гернот был глуп. Силен телом и решителен во всем, как и сам Гибих, но души в нем было маловато.

И Гунтер, и Гернот унаследовали от отца своего Гибиха все дурные черты. Нежели и были в чем едины, то в ярости на отца, что смеялся над ними и презирал их. Ибо Кримхильда была всем для него.

Гизельхер, третий сын, нежный мечтатель, родился уже после смерти отца.

— Если будет сын, пусть пойдет в священники и молится за меня всю свою жизнь, — приказал Гибих жене.

Госпожа Утте, казалось, совершенно позабыла об этом желании короля.

Король Гибих умер в 66 лет, старшему его сыну, Гунтеру, было тогда 13, Герноту — 12 и Кримхильде — 3 года.

Гизельхер родился в зиму после смерти Гибиха.

Это были тогда господа Вормса, три брата: Нерешительный, Глупый и

Нежный.

Как было устоять бургундам с такими-то королями?

И отчего гордая крепость в Вормсе не была разорена и предана огню?

Ибо король Гибих в своей жизни принял лишь одно решение, что было умным и рассудительным.

Он избрал советника. Не «какого-нибудь». Он избрал лучшего.

Что в имени нам том?

Итак, продолжим наши изыскания. Кто же, собственно, такие эти Нибелунги? Только герои эпоса? Или нам все же повезет встретить кого-ни- будь живого под этим именем на пыльных дорогах истории? Пойдемте поищем.

В помощь призовем мудрость древних. Воспользуемся услугами широко распространенного в Средние века мнения, что мир возможно понять и объяснить только в том случае, если удастся вникнуть в суть названия тех или иных вещей. Да, вот именно так, ни больше ни меньше. И кстати, испанский епископ по имени Исидор Севильский превратил подобный этимологический метод в удачно работающую научную модель еще в VII веке. Ну что, применим-ка данный метод в поисках исторической правды к истории Нибелунгов. Вперед, к разгадке сути имени!

Один из следов сразу же приведет нас в германскую мифологию: здесь мертвые отправляются в свой собственный мир, именуемый Нифтхель или Нифльхайм. В старогерманских языках Нибелунгов именовали Нифлунгерами. Вот и считали ученые Нибелунгов жителями Нифльхайма, то есть мифическими существами подземного мира. В словаре В. Гримма слово «Нибелунги» расшифровывается следующим образом: «...сыны тумана, туманного подземного мира, древнее название мифического рода». Да, Niebel и в самом деле напоминает немецкое слово Nebel («туман») и превращает Нибелунгов в народ подземного тумана, на прошлое которого наброшена непроницаемая серая дымка вечности.

Ух, красиво! Но к исторической действительности имеет призрачное отношение. И главное, ответа на наш вопрос так и не дает. Мы же не про мифические существа интересовались, прямо скажем. Поэтому давайте все же не будем поддаваться очарованию подобных ассоциаций. И, выразив посильную благодарность Исидору Севильскому, раскроем-ка лучше одну прелюбопытную книжицу, созданную в году эдак 1200-м, — южнонемецкую «Песню о Нибелунгах».

Что мы там находим? А находим свидетельства, что название рода пошло от одного имени — Нибелунг. Были, дескать, князь Нибелунг и его брат Шильбунг, «сыны могущественного короля», они правили расположенным в горах королевством и своей героической свитой — Нибелунгами. Откуда они в германских краях взялись, точно не сказать, но ссылка на поездку из Исландии в царство Нибелунгов — морское путешествие в «добрую сотню долгих миль или больше» — намекает нам на скандинавское (а возможно, и западнонорвежское) происхождение Нибелунгов.

Что же эти князья поделывают в своей вотчине? Живут они, оказывается, за счет горных даров: все возрастающая потребность в оружии, инструментах, украшениях и сосудах для литургических богослужений уже в эпоху Римской империи позволяла германцам совершать выгодные сделки, торгуя золотом и серебром, драгоценными камнями, медью и чугуном. Добытые археологами многочисленные мечи, золотые монеты, украшения из золота, серебра и бронзы свидетельствуют о высоком уровне добычи и обработки благородных металлов в Скандинавии и у германцев.

Название же целого рода по далекому предку — Нибелунгу — никого не должно смущать: тому в Средневековье найдется множество примеров. Например, Гвельфы заимствовали свое имя от графа Вельфа, Каролинги — от Карла Великого, Меровинги — вообще от мифического героя Меровеха. Красиво жить не запретишь, так что имя героического предка, словно недвижимость, передавалось во всех этих благородных семействах по наследству.

Вот только с Нибелунгами все куда хитрее. Неизвестный автор «Песни о Нибелунгах» во второй части своего бессмертного творения передает звание «Нибелунги»... бургундскому (!) королевскому роду: Гунтеру, его братьям Герноту и Гизельхеру, их дядьке Хагену и всей королевской свите. Причем делает это с очевидной настойчивостью, а потому об ошибке и речи быть не может. Разгадка данной шарады опять-таки кроется в сокровищах Нибелунгов.

Дело в том, что именно сокровища подпитывают власть своего владельца и служат олицетворением принадлежности к роду. И если они украдены — что по сюжету легенды происходит дважды, — звание «Нибелунги» переходит к новому их хозяину. Ну, а прежние владельцы с потерянным богатством безвозвратно утрачивают имя рода, а зачастую и саму жизнь.

Но кто же с исторической точки зрения реальные Нибелунги и какое отношение они имеют к легендарному князю Нибелунгу и «проклятым» сокровищам?

Реконструкция историков уходит в далекое прошлое: в VII и VIII века, когда в Восточной Франции (нынешняя Бельгия) появилось молодое благородное семейство, члены которого по непонятным нам причинам почувствовали себя Призванными. В чем конкретно эта пресловутая «призванность» выражалась, не ясно, но известны факты, что это семейство, названное по их предку Пиппину Старшему (580–640) Пиппинидами, поначалу завладело землями на востоке Фландрии и Северной Лотарингии. Затем, служа меровингским королям, Пиппин и его потомки продвинулись до самого верха «карьерной лестницы» — стали мажордомами: чем-то средним между главой генштаба и премьер-министром.

Впоследствии семейство распространяло свое влияние и на соседние регионы — на Эльзас, Бургундию и Баварию. Оно разветвилось на множество родовых линий, которые уже в начале VIII века стали зваться Нибелунгами.

Почему вдруг Нибелунгами? Ничего удивительного: во владениях этой родовой ветви в числе прочих находилось местечко Нивелл (южнее Брюсселя), где жена и дочь Пиппина Старшего, Ида и Гертруда, основали в 650 году монастырь. Немецкий германист Георг Хольц в 1907 году утверждал, что название этого фламандского местечка перешло и на весь род: Нивелл — Нибелунги.

Причин не доверять Хольцу у нас вроде бы нет. К тому же в истории франков 750 года и в самом деле можно найти графа Нибелунга Бургундского, племянника мажордома Карла Мартелла и предка Карла Великого. И здесь мы с вами могли бы остановиться и с облегчением вздохнуть. Вот мы и докопались до истины, превратив легендарных Нибелунгов в историческое семейство Пиппинидов, получивших прозвание по родовому монастырю — Нивелл. Ура!

Но не тут-то было. В подобном превращении нам бестактно «помешал» историк Юрген Брайер. В 2006 году он выдвинул достаточно убедительные контраргументы в пользу противоположной версии: а не могло ли все в случае с Нивеллом быть наоборот? Не могли ли французские дворяне Нибелунги дать свое имя основанному ими восточнофламандскому поселению? Выясняется, могли.

Тот факт, что имена основателей-миссионеров распространяются на целый ряд местностей, уже давным-давно доказан.

Кроме того, если история рода начиналась в каролингские времена, то почему, собственно, ни франки, ни Пиппиниды, ни Каролинги ни разу не упоминаются в различных версиях

сказаний о Нибелунгах? С чего вдруг действие эпоса разворачивается не на Маасе и Шельде, родовых местах Пиппинидов, а на Рейне и Дунае? Отчего двор Зигфрида находится в Ксантене, а не в Люттихе или Метце? Несгыковочка, однако.

Идем дальше. Согласно исследованиям Вильгельма Штермера, в VIII и IX веках имена Нибелунгов встречаются не только во Фландрии, но и в Баварии (здесь также распространены и имена Гунтер, Гизельхер, Кримхильда, Хаген, Брунгильда и Зигфрид). И это факт.

Что же для нас с вами из всего этого может следовать? Лишь одно: предположение, что у легенды о Нибелунгах гораздо более древние истоки, чем у рода Пиппинидов. И что в эпоху первых Каролингов она была уже настолько популярна, что в некоторых семействах имена «из сказки» включались в традиции собственного дома. И что, скорее всего, граф Нибелунг из Пиппинидов носил «модное» в свое время легендарное имя. Хороша версия, не так ли?

Имеем на нее полное право, потому как историки в попытках доискаться до истины по-прежнему ломают копья, а нам по-прежнему с этими самыми Нибелунгами нескучно: они тебе и мифологические герои, и литературные персонажи, и носители неких исторических реалий.

Вот к этим-то реалиям и обратимся. Так, где тут у нас была лента времени?..

Из мрака истории

Нибелунги прочно «поселились» у немцев и их германских предков, как говорится, испокон веков. Если мы отмотаем нашу ленту времени еще пару-тройку раз, то окажемся, к вящему своему изумлению, в землях западных германских племен, занятых римлянами! Там мы прямоком попадаем в суматоху так называемого переселения народов. Да-да, именно этим временам историки присвоили невеселое звание темных веков, сетуя на дурные нравы и научно-технический регресс той эпохи.

Мрачноватое это время — между Античностью и гуманизмом, — до сих пор бедным ученым спать спокойно не дает и в кошмарах является. Историки в долгу не остаются и вдумчиво «мстят»: скажем, закат римской цивилизации обычно ставят в вину германским «варварам». Но так ли это? Жаль, что практически не сохранилось никаких источников, позволяющих пролить свет на темные века, дать подтверждение многим нашим догадкам. Между тем, хотя до первых изображений и текстов о Нибелунгах прошли целые века, появлением этих текстов мы обязаны именно «варварской» Европе. Не странно ли?

Ох, нелегкая это задача — реконструировать долгий путь Нибелунгов по истории. Уж слишком много «белых пятен». И самое большое по иронии судьбы обнаруживается на первом шагу: а кто-нибудь вообще может точно сказать, когда зародилась легенда о Нибелунгах?

Наука, за сложностью задачи, помалкивает. Но справедливости ради скажем, что такими уж совершенно беспомощными историки-германисты отнюдь не выглядят. В последние годы используется метод, связанный с поиском следов Нибелунгов в фольклорной традиции (oral history). Так о чем же в нем упоминается? Оказывается, следы Нибелунгов разбросаны по эпохам и странам в великом множестве.

Так, еще римский писатель Тацит в первом веке нашей эры упоминал древние песни германцев о Зигфриде, Хагене и Брунгильде.

К эпохе Каролингов Нибелунги стали очень популярной темой в Европе, а в Скандинавии уже всюю распространялись отдельные песни и изображения целого ряда эпизодов из легенд о Нибелунгах. И повсюду тексты «Нибелунгов» тесно переплетены с фольклорной традицией, повествующей о богах, героях и немисливо далеких предках. Ну, скажем, такой герой, как Хильдебранд, оружейник Дитриха Бернского. В поздней версии «Песни о Нибелунгах» он — побочный персонаж. А взялся, к слову сказать, из древнейшей героической песни, написанной

на немецком языке еще в 800 году, — старогерманской «Песни о Хильдебранде», где он, безусловно, — главный герой.

Еще один «нибелунгский» след в пространстве, заселенном франко-германскими племенами, можно найти в поэме, написанной по-латыни, под названием «Вальтгарий» (или «Песня о Вальтгарии»), появившейся в период с 900 по 950 год. Здесь объявляется — правда, в ином сюжете — франкский король Гунтер, его отец Гибих, их союзник Хаген, а также князь гуннов Атилла (в «Песне о Нибелунгах» он превратится в Этцеля).

Англия тоже не осталась в стороне: явные следы сюжета о Нибелунгах прослеживаются в староанглийском «Беовульфе», где рассказывается о Зигмунде (в «Песне...» это отец Зигфрида) и его подвигах. Причем в данном тексте именно Зигмунд представлен победителем драконов, владельцем несметных сокровищ.

Итак, подведем итоги наших изысканий. Что мы видим? Мы видим вариации на тему «Нибелунги». Мы видим вольное обращение авторов с именами, сюжетами и мотивами. Что ж, это весьма типично для средневековых героических песен. В этом и состоял элемент личного творчества: создатели жанра черпали материал из древних сказаний, свободно меняя последовательность событий и характеры, комбинируя новые сюжеты со старыми и экспериментируя с формой и языком своих произведений.

И вот исторический результат свободного творчества: в 1200 году в землях Баварии и Австрии «Песнь о Нибелунгах» заносят на пергамент. В ней свыше 2300 строф и почти 10 000 стихов. Новоиспеченный письменный эпос остается на пике популярности вплоть до XVI века. Его распространяют в богато иллюстрированных многочисленных рукописных списках; он даже становится подсобным материалом к модной народной книге о «Защищенном чешуей дракона Зигфриде». А после изобретения книгопечатания эта книга делается в Германии самым настоящим бестселлером XVII столетия.

На этом месте остановимся и оглядимся. Сколь же обширна территория, завоеванная «Нибелунгами» по причине хронической популярности? Неплохо, неплохо: сказание популярно в Скандинавии, Англии и в государствах франков и немцев. Причем к 1200 году, ко времени занесения немецкоязычного текста на пергамент, прошло уж почти триста лет, как существуют ранняя скандинавская, английская и латинская письменные версии. Почему?

Действительно, почему? Ведь материал о Нибелунгах явно немецкого происхождения. Значит, мы имеем основания предположить, что наряду с прочими латино-англо-скандинавскими версиями существовали также и куда более ранние письменные источники на немецком языке, но затем были попросту утрачены. К тому же как бы мы ни стремились, но в германском языковом пространстве раннего Средневековья мы вряд ли обнаружим энтузиастов-профессионалов, которые бы трудились в поте лица, подобно скальдам. Не было, увы!

Кстати, в пользу нашей версии о существовании более ранних рукописей на немецком языке говорит целый ряд косвенных улик: по берегам Рейна и Дуная в эпоху раннего Средневековья существовали сведущие в грамоте церковные мужи, интересовавшиеся древними сказаниями. Так, Бамбергский архиепископ Майнгард укорял одного из своих епископов, Гунтера (1057–1065), за то, что время, отведенное для чтения трудов Отцов Церкви, нерадивый епископ посвящал «богопротивным вещам», «сочиняя вирши об Аттиле и Амелунге». Под родом Амелунга имелась в виду семья Теодерика Великого.

Еще одно косвенное указание. На сей раз географическое. К XII веку относится описание, сообщающее о горе в Таунусе, которую народ называл... «ложем Брунгильды». Такая вот прямая ассоциация с сюжетом легенды: с волшебным сном Брунгильды и ее пробуждением с помощью Зигфрида. Но об этом чуть позже. Вернемся к свидетельствам.

Итак, дальше. А дальше еще интересней. О том, что рассказы о Нибелунгах никогда не

забывались и в различных списках существовали-таки в Германии, свидетельствуют в XII веке монах Метеллий Тегернзейский и хронист Саксон Грамматик.

Первый в 1170 году писал об австрийской реке Эрлауф, ставшей знаменитой благодаря графу Рюдигеру Бешеларскому и Дитриху Бернскому, чьи истории описаны в песнях. Рюдигер и Дитрих являются одними из центральных персонажей второй части «Песни о Нибелунгах».

А Саксон Грамматик в своей «Истории данов» упоминает певца, который в 1131 году преподнес датскому герцогу рассказ о Кримхильде и ее кровавой мести собственным братьям. Это уж совсем по нашей части.

Ну, что ж, полагаю, что у нас с вами теперь нет никаких причин сомневаться в том, что в Германии «Песня о Нибелунгах» была записана задолго до 1200 года. На этом предысторию можно и завершить. Пора и честь знать, пора переходить уже к самой истории. Хитросплетений в ней хватает, так что в воды Рейна окунуться нам предстоит, как говорится, с головой.

Когда женился король Гибих, в то же самое лето пришел и он. Хаген, явившийся из леса. Хаген Тронье, что зовется на Рейне Троньером. Неуязвимый, он говорил немного. Он не любил вопросы и сам не задавал их. Он был невозмутим, как камень, никто не мог прочесть по его лицу, что творится в его душе.

Волосы его были черны и блестели, как вороново крыло. Хаген был величественен и исполнен тайны.

Слава его трепетала, словно жаркое пламя. Он был смелейшим. Он был сыном Одина, Искателя Истины.

Хаген, Хегни Одинсон, воин, каких уж нет более. Величайший воин своего времени, одаренный силой шести человек.

Ему было 34, когда объявился он в Вормсе. Хаген, явившийся в земли бургундов, искал. Его поиск так и остался незаконченным.

Он прискакал на гнедом жеребце, в алом плаще, с бронзовым щитом, копьем и мечом.

Когда спустя 32 года он отправился в последний свой путь из Вормса, он ушел в ШгМ же, в чем и пришел. В алом плаще, с бронзовым щитом, копьем и мечом.

Король Гибих сказал ему:

Я дам тебе золото и все, что ты пожелаешь.

Но Троньерец лишь покачал головой:

Не нужно мне золото. Если хочешь, чтоб я остался, придумай причину получше.

И Гибих попросил его остаться ради будущих своих сыновей.

Моя мать, Брюнгильда Свенкенсдоттир, была королевой на островах.

Мой отец. Смелейший, Несравненный Воин, был Хагеном из Тронье, Хегни Одинсоном, непобежденным в своем сердце.

Я — сын обоих, память об исчезнувших.

Они ждут меня в Зале Жизни за порогом смерти.

I
ГЛАВА ПЕРВАЯ
РУНЫ И ГЕРОИЧЕСКИЕ ПЕСНИ —
древнейший след Нибелунгов

Ну, что ж, ступая на священную почву, мы обнаруживаем самые первые упоминания о Нибелунгах. И записаны они отнюдь не пером, нет. Они высечены в камне.

Приблизительно за столетие до того, как в Скандинавии появился старейший из ныне известных текстов «Песни...», безымянные скульпторы шведского острова Готланд взяли за легенду о Нибелунгах. Причем весьма своеобразно: изображения мотивов легенды высекались на готландских надгробиях. О том, что речь идет именно о Нибелунгах, свидетельствуют «прилагающиеся» к рисункам надписи — руны.

Самый ранний и» подобных камней датируется VI веком; но особого расцвета скандинавские каменотесные работы достигли в период с IX по XI век. Дабы воздать умершим последние почести, средневековые камнерезы высекали на надгробиях сцены из мифов. Центральной темой были, конечно же, мифы о богах: Один на своем восьминогом жеребце Слейпнире, Тор и змей Мидгард, Вальхалла, корабли мертвых, снова Один и волк Фенрир. После христианизации северных земель в течение XI века на многих каменных барельефах начинают появляться также и сюжеты из Нового Завета — распятие и деяния Христа.

Изображения эти напоминают театральные сцены: герои борются, скачут, музицируют, спорят или путешествуют по морю. Это похоже на иллюстрации, оживляющие воспоминания о великих деяниях, изустно передававшихся на заре средневековой эпохи. Глядя на подобные изображения, люди точно знали, кто из героев легенд перед ними, и легко могли воссоздать по памяти все события истории. Например, «драконьи» мотивы на саркофагах в соборе Св. Павла в Лондоне и каменные барельефы в Йеллинге на Ютланде точно так же, как и рогатые львы с рунного камня в Туилсторпе (Шонен), вызывают к жизни предания о героических победах над чудовищами, изображению которых, очевидно, отдавали предпочтение безымянные скульпторы.

Почетное место среди этих существ занимает змей Мидгарда, демоническая гигантская змея, чье тело обвивает весь человеческий мир. Движения тела змея вынуждают моря заливать землю и приносят смерть морякам, его ядовитое дыхание несет миру гибель. Симпатичная «рептилия», нечего сказать! Родителями ее, кстати, были бог Локи и великанша Ангрбода, родственница жуткого волка Фенрира и богини смерти Хель.

А вот Тор, «коллега» Локи по божественному пантеону, дважды боролся со змеем. И свидетельства имеются. О том, как Тор метнул свой молот Мельнир в голову змея и земля содрогнулась от удара, пелось в песнях «Эдды» и было увековечено в изображениях на рунных камнях.

Кроме чудовищ, впрочем, имеются и другие изображения. В них запечатлены сцены из популярных в Скандинавии песен и сказаний о героях. Главными действующими лицами этих песен были люди, которые способны общаться с миром богов и мифическими сказочными существами.

И наконец, наравне со знаменитыми королями, воинами и кузнецами в этих легендах живут и Нибелунги, и прежде всего победитель дракона Зигурд (он же Зигфрид) и король Гуннар (он же Гунтер).

Древнейшее упоминание сказаний о Нибелунгах относится к 700–800 годам, и сохранилось оно на острове Готланд. Найденные здесь каменные изображения — это смешение различных мифологических сцен, самой яркой из которых является барельеф с картиной рая героев — Вальхаллой. На одной из сцен изображен зал, в котором змеи нападают на человека. Это намек

на короля Гуннара и его героическую гибель в змеином дворе гунна Атли (Этцеля). Из песен «Эдды» мы узнаем трагическую историю Гуннара и гибели бургунов.

Король гуннов Атли женат на бургуновской принцессе Гудрун (она же Кримхильда). Желая заполучить легендарные сокровища бургунов, Атли приглашает владельцев богатства — своего шурина, короля Гуннара, и Хегни (он же Хаген), — «в гости». Несмотря на предостережения сестры, Гуннар и Хегни принимают приглашение и прибывают ко двору Атли одни, без армии, полагая, что обезопасили себя, укрыв сокровища в водах Рейна. Если это и было «страхование жизни от несчастных случаев», то оно оказалось крайне неудачным. У гуннов бургуновских гостей берут в плен и грозят им: или сокровища, или жизнь.

Гуннар употребляет хитрость: на вопрос о сокровищах он отвечает жутковатым требованием — убить Хегни. Жертвуя жизнью брата, он намерен сохранить тайну сокровищ. И когда Хегни гибнет, Гуннар, бросая вызов противнику, заявляет, что теперь он спокоен, ибо отныне только он один знает тайну местонахождения сокровищ. А значит, тайна останется тайной. Коварный Атли, желая вызнать секрет, бросает шурина к змеям. Но Гуннару удастся успокоить почти всех змей, очаровав их своей искусной игрой на арфе. Только одну-единственную змею не удастся усмирить силой музыки, и она приносит Гуннару героическую смерть на змеином дворе. Принцесса Гудрун в ответ мстит за убийство родственников. Она потчует Атли кровавым обедом из останков совместно прижитых сыновей, а затем закалывает супруга мечом на брачном ложе. Драма довершается пожаром, в котором гибнут и все гунны, и сама Гудрун.

Такова легенда.

Героическая смерть Гуннара становится темой барельефов на великолепной деревянной повозке, найденной в гробнице подле Озеберга в Норвегии. После исследования годовых колец древесины повозку датировали 820 годом. Король бургунов здесь изображается не как смелый арфист, а как воин. Он запечатлен во время драматического смертельного единоборства с целым змеиным выводком.

А сцена последней в жизни Гуннара искусной игры на арфе изображена на деревянной купели в церкви Нэса (Норвегия), датированной XIII веком.

На прочих барельефах главным героем избран Зигурд-Зигфрид.

Так, из почти пятиметровой наскальной плиты в Рамсундберге (Швеция) каменотес I века создал совершенно небывалый надгробный монумент. Бегущая по скале лента рун, в которой упоминаются имена заказчика и умершего, создана в форме огромной змеи с головой дракона. Какому же из легендарных чудовищ посчастливилось столь художественно красоваться? Выясняется, дракону Фафниру, погибшему от меча Зигурда — Грамра (в «Песне о Нибелунгах» меч Зигфрида называется Бальмунг).

Почти через двести лет после этого норвежский резчик по дереву изобразит тот же самый эпизод на портале церкви в Гилештаде. Здесь Зигурд и Регин вместе выковывают меч Грамр. Затем Зигурд пробует меч в деле и закалывает дракона. Далее на портале изображено убийство Зигурдом Регина и все та же игра Гуннара на арфе на змеином дворе.

Тематическая связь деяний Зигурда и конец бургуна Гуннара впервые обнаруживается именно здесь. Изображения из Гилештаде свидетельствуют о том, что в Скандинавии многие века существовала почти неизменная традиция рассказов о Зигурде и бургунах.

Когда умирал Гибих, утопая в собственной боли, бургунды были могущественны и велики, как никогда прежде. Но знание, что оставляет он по себе великое царство, нисколько не успокаивало Гибиха. Наоборот, король был одержим своей алчностью и своим страхом утратить все, что не хотел оставлять даже пред лицом смерти. До тех пор, пока мог еще говорить, кашляя, хрипя и задыхаясь, Гибих по множеству раз на дню звал к себе Хагена.

— Ты защитишь ли мое царство, Хаген из Тронье? — шептал он все время одно и то же. — Ты защитишь ли моих сыновей, пока не вырастут они до королевского чина?

И всякий раз Хаген твердо отвечал ему:

— Да, я буду защищать их.

Но Гибих все равно не успокаивался. Он боялся, что все обернется иначе. Что Хаген, как только умрет старый король, станет не только регентом, но и повелит избрать себя королем. И весь народ будет тогда на стороне Хагена.

Гибих хватал ртом воздух, дышать ему становилось все тяжелее и тяжелее.

— Я — король по праву, — слабо хрипел он и кашлял. — Король по праву.

Верно то было или нет, но от смерти его это не избавило.

А что сказать о Кримхильде? Существовало две Кримхильды: послушная девочка в юности и бестия, ушедшая на восток, чтобы издалека приготовить гибель бургундов.

Кримхильда, две стороны одного яблока: одна — сладкая и блестящая, другая — горькая и гнилая.

Боги, предки и герои

Ступая по легендарным следам дальше, мы с вами припадем к источнику, излившему материал для творчества готландских камнерезов. Я имею сейчас в виду все песни о князе гуннов Атли, короле бургундов Гуннаре, его сородичах Гудрун и Хегни, валькирии Брюнхильде и герое Зигурде.

По самой осторожной оценке, первые из этих песен были созданы между 850 и 1000 годами: «Старшая песня о Зигурде» и «Старшая песня об Атли».

Конечно, песни и сказания об этих героях были известны и раньше, а более поздние поколения лишь исправно их перерабатывали. Вспомним, что уже одна только Скандинавия «поставляла» нам огромное количество песен о Нибелунгах вплоть до XIV века. При этом особенно плодотворной оказалась исландская традиция, что и неудивительно: остров в Средние века был центром культуры скальдов. А скальды, как известно, считаются профессиональными поэтами, имеющимися в Скандинавии во множестве при дворах королей и знати. Именно скальды были носителями культуры сказочных песен, и именно им мы обязаны одной из интереснейших историй «благородного семейства» — «Старшей пешей об Атли», в которой представлен самый ранний рассказ о гибели бургундов.

Что интересно, предшествует поэтическому тексту небольшой пролог в прозе, в котором легенда о мести Гудрун названа буквально «всемирно знаменитой». Замечательно! Это то, что нам надо. Это прямое свидетельство, что создавалось произведение профессионалами-скальдами, что они из уже имеющегося материала создавали новые версии песни.

Итак, идем дальше. В первых строфах песни повествуется, как при дворе бургундов появляются послы гуннов. Здесь царит «страх пред гуннами». Послы Атли передают предательское приглашение. Бургундам обещаны богатые подарки.

В данной версии «Песни...» Хегни играет роль мудрого советника. Эта роль — один из постоянных мотивов легенд с момента их появления и вплоть до позднего Средневековья. Хегни рассматривает приглашение гуннов как ловушку. Гуннар же играет лишь роль молодцеватого, но недальновидного героя. Игнорируя все предупреждения, он решается отправиться в путешествие. Когда Хегни и он прибывают ко двору Атли, ловушка захлопывается: мало того что сбывается все предвиденное заранее, но и непредвиденное происходит тоже.

Поначалу оба бургунда попадают в узилище — как Хегни и предчувствовал. Затем во имя сокровища следуют две героические жертвы, о которых заранее догадываться было бы просто жутковато. Гуннар отдает своего брата (а Хегни в «Песне...» приходится ему братом), заявив, что хочет «видеть его сердце». В завершение же он высмеивает своего обидчика Атли: «Один лишь я знаю отныне о скрытом убежище Нибелунгов, ибо Хегни уж мертв». И далее: «Лишь Рейн один пусть станет хозяином проклятого сокровища». И, как мы знаем, Гуннар гибнет, унося с собой тайну сокровищ.

А что же наш герой Зигурд? Какая роль в сказаниях отведена ему?

Примечательно, что «Старшая песня о Зигурде» рассказывает только о последнем этапе жизни героя — его убийстве.

В художественных же наскальных источниках на данной теме и вовсе «сэкономили». Мастера предпочитали высекать в камне сцены юношеских подвигов Зигурда, в особенности его борьбу с драконом и обретение сокровищ. Сцены гибели авторов не привлекали.

Однако более древние тексты о Зигурде, наоборот, повествуют о мрачных временах. Против Зигурда зреет заговор: Гуннар, который в этой версии превращается в главного персонажа драмы, желает расправиться с героем. Проницательный Хегни спрашивает своего брата Гуннара, короля бургундов: «Что ж такого свершил преступного тот Зигурд, что у блистательного ты жаждешь жизнь отнять?» В ответ Гуннар сетует, что Зигурд нарушил данную им клятву верности. Так Хегни выясняет, что за кулисами надвигающейся катастрофы стоят женщины — жены героев. И дальновидный Хегни советует не совершать подобного преступления. Такова «северная» версия.

А вот в «Песне о Нибелунгах» Хаген является активным противником Зигфрида. Да и сама «женская» история представляет собой весьма хитроумную интригу. Пора, кстати, нам на ней кратко остановиться, для пущей ясности.

Итак. По обоюдному тайному уговору Зигфрид помогает Гунтеру хитростью добиться руки могучей исландской повелительницы Брунгильды. Для этого ему приходится не просто помочь Гунтеру одолеть валькирию в поединке, но и завоевать великаншу на супружеском ложе. Именно в этом месте сюжета происходит тайный для Брунгильды обмен ролями: право первой брачной ночи (по сговору героев) принадлежит Зигфриду, не Гунтеру! Брунгильда остается в неведении, но лишь до поры до времени.

Зигфрид, давший клятву держать в тайне постыдное деяние, не может, однако ж, удержаться от награды — и забирает с собой на память кольцо Брунгильды. Но и это еще не все. Впоследствии он выдает секрет своего «подвига» невесте Кримхильде. Одному богу известно зачем, но после подобного признания при дворе бургундов начинается отсчет эпохи мести и катастроф. Иначе, впрочем, вряд ли могло быть.

Вот наконец и знаменитая ссора королев: мол, кто из их мужей выше по чину. По сюжету северной традиции дамы ссорятся на реке, а в немецкой «Песне о Нибелунгах» — на ступенях Вормского собора. Перебранка заканчивается тем, что Кримхильда раскрывает своей сопернице тайну обмана сватовства и первой брачной ночи. Брунгильда по праву чувствует себя оскорбленной и обманутой — и супругом, и Зигфридом. Она жаждет отмщения. Гордиев узел надо было как-то разрубить. И дальнейшие события будут фатальны для всех участников драмы.

В отрывке «Старшей песни о Зигурде» Гуннар и Хегни в конце концов соглашаются с тем, что только смерть Зигурда сможет умиловать сердце Брунгильды. И уговаривают сводного брата Гуттхорна (в «Песне о Нибелунгах», кстати, Гернот играет куда более симпатичную роль) совершить убийство. И когда Зигурд однажды не возвращается ко двору, Хегни грубо и прямолинейно заявляет Гудрун (той самой немецкой злополучной Кримхильде): «Мечом заколотого Зигурда нашли мы». В то время как Брунгильда торжествует, Гудрун предсказывает своим братьям страшный конец. Поэма заканчивается описанием страшного сна Гудрун и ее новым супружеством.

Существует еще эпилог в прозе, который, скорее всего, появился позже. В нем мы находим подробности о точных обстоятельствах смерти Зигурда, обобщенные в самых разных версиях. В одних из них сказителям хотелось бы, чтобы Зигурд был убит в постели. «Немецкие мужи говорят, что его убили в лесу», а в более старой «Песне о Гудрун» речь идет о совместной поездке Зигурда и бургундских королей, ставшей для героя последней.

Здесь заслуживает внимания упоминание о «немецких мужах». Кто они? Возможно, северонемецкие купцы, в эпоху викингов занимавшиеся торговлей со Скандинавией в портах Хайтхабу (неподалеку от Шлезвига) и Дорештада (Фрисланд). Археологические находки немецких монет в Швеции дают довольно полное представление о торговых сношениях раннего Средневековья.

Но особенно интересны для нас с вами «пророческие» строфы из «Песни о Гудрун»: Хегни и Гуннар уже плетут заговор и втягивают в него своего сводного брата Гуттхорна, когда вдруг вещей ворон кричит им с дерева: «На вас испробует железо Атли, и месть падет на головы убийц». Надо сказать, что во многих мифах германцев вороны играли роль прорицателей и мудрых советчиков. Даже богов. Здесь же несомненный интерес представляет то, что в столь древнем отрывке текста из эпоса о Зигфриде подчеркивается связь между его гибелью и гибелью бургундов при дворе гунна Атли (Этцеля). В двух частях «Песни о Нибелунгах» XIII столетия данная взаимосвязь событий подчеркивается уже совершенно явственно.

Кримхильда-патронесса — нибелунгские имена в эпоху франков

Поиски сказаний о Нибелунгах на территории Германии раннего Средневековья — вот, вероятно, ахиллесова пята почти всех историков. Лично я подозреваю, что на Рейне и Дунае испокон веков курсировали нибелунгские сказания. Однако источники скромно умалчивают об этом, и если уж историки в конце концов и начинают говорить на данную тему, то упрямо твердят лишь о нордических традициях.

Когда в XIX веке такая дисциплина, как история, сделалась одним из наиболее популярных научных предметов в университетах, в ходу был только один рецепт борьбы с «белыми пятнами» наших познаний: чего не значит в источниках, того и не существует (по крайней мере, для высоколобых мужей по прозванию историки). Такой метод называли позитивизмом (от латинского *ропеге*, то есть «насаживать, предоставлять»). Проще говоря, история занялась остатками того прошлого, которое по воле судьбы (а может быть, досадной случайности!) предоставлено нам, «насаждено» в наши умы.

По счастью, с тех времен прежний подход к истории изменился. И про Нибелунгов снова вспомнили. Ну а куда ж их денешь? Парадокс их существования еще никто не отменял: напрямую в исторических источниках — летописях и хрониках — они остаются неупомянутыми, но тем не менее существуют. И бог с ним, что у нас нет почти никаких средневековых свидетельств, мы все равно задаемся вопросами, предпринимая попытку пролить-таки свет на загрязненные воды Большой Истории. В поисках ответов привлечем в

авторитеты великого французского исследователя Средневековья Жака ле Гоффа, который весьма недвусмысленно советовал: обратитесь за помощью к собственной фантазии! В соратники также призовем и немецкого исследователя Арнольда Эша. Уж больно мила нашему сердцу его позиция: у нас есть лишь отдельные камешки мозаики, и стоит подумать, как правильно собрать картинку. Вот мы собрать картинку и попробуем!

Что на этом месте нам будет интересно? Во-первых: каков процент жизненной реальности в литературном материале о Нибелунгах? Во-вторых, обратное: что из литературной реальности переселилось в жизненную? Ну-с, приступим.

Начнем с литературы. Так-так, романы. В них определенно недостоверные, но такие живенькие сценки действительно всецело подчинены воле фантазии. Вряд ли можно рассматривать их в качестве исторического материала. Романисты создавали мир, далекий от обыденной ткани жизни. Реальность романов — это скорее жизнь, «какой она должна быть», нежели «какая есть». Из романов мы узнаем, к какому идеалу жизни стремились средневековые люди. А вот в немецкой «Песне о Нибелунгах» 1200 года мы видим «жизнь как она есть». В «Песне...» сохранились прелюбопытные живые диалоги героев, предоставляющие для нашего поиска исключительно ценную информацию об общении мужчин и женщин, стариков и молодежи, слуг и господ, друзей и врагов. И мы без труда можем воссоздать не только картину идеалов и нравов эпохи, но и картину внутренней жизни простого средневекового человека: над чем люди смеялись и плакали, из-за чего сердились, чем мучились и о чем размышляли.

Теперь предпримем шаг в сторону исторической реальности. Здесь мы с вами намеревались практически совершить подвиг — отыскать следы литературных героев. И были абсолютно правы, к слову сказать. Помните об исключительной важности имен для раннего Средневековья? Так вот: имена Нибелунгов сохранились в огромном — поразительно огромном! — количестве средневековых источников. Тут и «смирительные книги», и метрики рождений лиц благородных родов, и «книги мертвых» (некрологи), куда заносились имена усопших братьев и сестер, а также имена мирян-благодетелей. Особенно часто это практиковалось в VIII и IX столетиях.

Обольщаться, однако ж, не будем: далеко не все родители, называя своих сыновей Зигфридами или Гернотами, думали при этом исключительно о Нибелунгах. Но тем не менее...

Как показали исследования Вильгельма Штермера, такие имена давались прежде всего в Баварии и на территориях вдоль Рейна, вплоть до Вормса. Самыми популярными были имена Гернот («копье» и «борьба»), символизирующее вооруженного воина, и Зигфрид, означавшее и победу, и мир.

В Зальцбургском «Некрологе» 784 года пять раз повторяются имена Зигфрид и Гизельхер, четыре раза — Гунтер, трижды — Кримхильда, Хаген и Гернот и даже один раз встречается Нибелунг.

Еще больше любили эти имена в небольшой Фрайзингерской области севернее Аллиерзее в эпоху 800 года. Один Зигфрид, впрочем, имелся там уже в 769 году; в свидетельствах же 802 года здесь появляются по одному Нибелунгу, Гунтеру и вновь Зигфрид. Одновременно с ними встречается и Кримхильда. В ее же родственниках числятся два носителя северных имен: Хродни (Хегни) и Кизальни (Гизлахари). В других свидетельствах наряду с многочисленными Зигфридами обнаруживается и один Зигурд. А именами Гунтер и Гизельхер даже названы два местечка: Кизельхеринг и Гунтеринген (или Гюнтеринг).

Список можно было бы продолжать до бесконечности, но выводы в любом случае будут гласить, что в Баварии о саге о Нибелунгах знали уже в VIII и IX веках и сага эта была крайне популярна среди знати.

Нисколько не удивительно, что в ту же самую эпоху в Вормской области, а также в районе

монастыря Лорш зарегистрировано огромное количество нибелунгских имен. Здесь список возглавляют Зигфрид и Гунтер и даже встречается Гунтерсблум. А уж имя Нибелунг повторяется беспрестанно, несмотря на всю свою необычность. И вот что интересно: почти все носители нибелунгских имен из Баварии и Вормса — кровная родня друг другу. Воистину, как заметил историк Вильгельм Штермер, «нибелунгское сказание» буквально пронзило сердца определенных знатных семейств.

Соотнесем реалии с литературным источником. Вормс и Лорш, согласно «Песне о Нибелунгах», являются центрами господства бургундов и ареной важнейших событий. Вормс — столица королей, а Лорш — место погребения Зигфрида.

Вот о Зигфриде и пора поговорить подробнее.

Что знали бургунды о мире за пределами их границ? И что знал мир о бургундах? Разница между бургундами и остальным миром была воистину не так велика, как хотели думать бургунды в своем тщеславии. Их собственные союзники казались им недостаточно изысканными.

Воистину, боги испытывали огромное наслаждение от этой истории, ибо они послали к бургундам того, кто станет истинным Погубителем.

Жителя Ксантена, да еще какого! Истинные слова скажут саксы об этом Ксантенце:

«Как может кто-то выглядеть подобно мужу и быть столь мало человеком?!»

Я сам не желаю даже произносить его имя, да вы и так знаете о нем: Зигфрид из Ксантена! Зигфрид, погубитель женщин, лжец, титулованный обманом: драконоборец, герой, неуязвимый.

Мне была лишь пара недель от роду, когда он умер, но я все знаю о нем. Это — проклятье знать о нем.

Это был день, в который все и началось. День, стоивший впоследствии жизни слишком многим.

Незнакомец был высок ростом, волосы его казались такими светлыми, что выглядели почти белыми. Кожа его тоже была светла и нежна, быстро обгорая на солнце. Лицо казалось лицом смелого человека до тех пор, пока ему не слишком пристально глядели в глаза. Зифрит звали его в землях Ксантена, Зегедур звали его в царстве моей матери. Зигфридом звался он в Вормсе, Зигфридом Неуязвимым, и этот титул он любил более королевского.

Он выглядел истинным героем, смелым, дружелюбным, достойным любви. Он выглядел необычным и таинственным, опытным, бывалым, мудрым. Он выглядел как тот, о котором нужно слагать песни.

И только мудрецы, старики и безумцы могли увидеть, что эта красивая оболочка была пуста: куколка, из которой никогда не вылупится бабочка.

Зигфрид пришел весной, и весна была его союзницей. День, в который он прискакал в Вормс, казался столь болезненно прекрасен, что мог быть назван совершенным. Воздух чист, поют птицы, деревья в цвету, в мире все затаило дыхание в ожидании ложных обещаний, что жизнь может быть простой, сладкой и исполненной надежд. Вот и Зигфрид появился пред бургундами как обещание надежды и жизни, хотя на самом деле был началом их конца. Впрочем, об этом не ведал даже он.

Зигфрид пришел, чтобы жениться на Кримхильде Бургундской, но об этом он не

сказал никому. Да и кто бы поверил ему, наемнику, охранявшему купцов и их обозы? Никто. Как не верил никто в его рассказы о гномах, великанах и драконе.

Что толкало его к Кримхильде?

Он привык именоваться вздыхающими женщицами красивейшим из смертных. Кримхильда, как слышал он, считалась прекраснейшей из женщин. А значит, его ожидало приключение, удивительная история.

Было неверно и глупо считать, что Хаген возненавидел Зигфрида с самого начала. Вначале он не принял его всерьез, и так было до тех пор, пока не узнал он правду.

Но всегда говорил Хаген, что без Зигфрида никогда бы не повстречал в своей жизни счастья.

Ибо Зигфрид обещал доставить в Вормс в награду за руку Кримхильды самую настоящую валыширию.

В тот день Зигфриду Ксантенскому было двадцать лет,

Он вошел в зал бургундов как сама жизнь. Сияющий, ослепительный — и такой же невечный.

Через три года он должен будет умереть.

Юность Зигурда

Во веет старых северных песнях о героях Зигурд изображается сиротой благородного происхождения. В германской мифологии его называют последним представителем героического рода Вельзунгов, произошедших от самого бога Одина. Наиболее примечательным моментом во всех этих мифах являются тесные родственные взаимоотношения богов и героев. Отдельные персонажи настолько «переплелись косами», что в целом ряде эпизодов фиктивная генеалогия становится первопричиной фатальных событий. Так, оба нордических героя — Зигурд и Хельги — превращаются в сводных братьев по отцу Зигурда — Зигмунду.

Исландские скальды, по всей видимости, были не только «историками» и поэтами, но и исполняли роль герольдов, Способных по гербам и символам на щитах благородных рыцарей, участников турниров, читать информацию о происхождении, истории и родственных взаимосвязях знатных семейств. Настольная книга скальдов Снорри Стурлусона XIII века информирует нас как раз обо всех родственных связях Зигурда. Заглянем в нее, если не возражаете.

Итак. Дед героя по имени Вельзунг был гордым отцом одиннадцати детей. Но несчастье пало на все семейство. Единственная дочь была обручена с королем Гаутланда (Готланда?), и тот, воспользовавшись свадебным пиршеством, решил изрядно уменьшить количество новой родни из Вельзунгов. Единственным уцелевшим оказался Зигмунд, старший сын и, согласно песням «Старшей Эдды», король в землях франков. Именно он начинает мстить своему врагу. В нем куда больше смелости, нежели ума. Правдами и неправдами Зигмунду все же удастся поджечь королевский зал Гаутланда. Величественная акция отмщения уносит и жизнь его собственной сестры.

Вопреки зловещему драматизму мотив горящего королевского замка и уничтожения великого рода королей (в данном случае Вельзунгов) довольно популярен в германской мифологии. Он встречается часто, и достойную конкуренцию ему составляет лишь мотив драконоборчества.

Так, в староанглийском повествовании «Беовульф» X столетия именно Зигмунд во время своих великих подвигов становится драконоборцем и обретает огромные богатства.

В первом браке Зигмунд женат на королевской дочери Боргхильде (почти Брунгильда, не правда ли?), от которой у него рождаются сыновья Синтифлети и Хельги. При подобном родстве не удивительно, что у Хельги по прозвищу Хундингсбана («Убийца хундингов») все задатки настоящего героя: сильный, смелый и богато одаренный тремя богинями судьбы — норнами, он странствует по многим рассказам северных германцев. И особенно любима была история о том, как Хельги одолел злых хундингов.

Когда Боргхильда отравила своего сына Синтифлети, Зигмунду пришлось выбрать себе другую супругу. Новоиспеченная жена, разумеется, тоже королевская дочь, Хьердис довольно скоро порадовала его рождением маленького Зигурда. Теперь у Хельги есть героический сводный брат...

И песни «Эдды», и эпос о Вельзунгах подчеркивают неслучайное родство главных скандинавских героев, Хельги и Зигурда: жизнь обоих представляла собой непрерывные странствия ради умопомрачительных, выдающихся побед.

Сам Зигмунд довольно скоро после рождения Зигурда погибает в битве с хундингами. Безотцовщина Зигурд воспитывается матерью при дворе короля Хьялпрека (Хальперика?),

который поддерживает планы юноши отомстить за отца. Поначалу Зигурд должен выбрать сильного жеребца Грани на королевской конюшне, позднее король даст ему корабли, чтобы воины выступили в поход против хундингов. При дворе Хьялпрека работает чудесный кузнец Регин. «Песня о Регине» из «Старшей Эдды» описывает его следующим образом: он был самым даровитым из всех мужей, при этом гном по росту. Был Регин мудрым, свирепым и сведущим в колдовстве.

Зигурд изучает у него кузнечное искусство. Из обломков отцовского меча под руководством Регина он выковывает свой собственный меч — Грамр, клинок которого опробует на плывущих по водам Рейна клоках волчьей шерсти (чуть позднее жертвой удивительного меча станет дракон Фафнир, а сам меч сделается звеном между приключениями отца, Зигурда и Хельги).

Сцены из жизни Зигфрида-Зигурда не только стали излюбленным кодом скальдов, их изображения украшают и вход в церковь Хилештада, и камни Рамсундберга, и даже южный портал Сан-Мария-ла-Реаль в Сангюэза (Испания).

И это все при том, что сведения о юном Зигурде слишком отрывочны и зачастую попросту противоречивы. Скажем, в норвежской «Саге о Дитрихе» конца XIII века о Зигурде сообщается, что он был рожден некой Сисибой в совершенно глухом лесном месте. После ее смерти малыша вскармливает своим молоком олениха, а позднее воспитывает кузнец Мимир.

Единодушны средневековые тексты только в одном: когда описывается красота юного Зигурда. Создатель «Саги о Дитрихе» заявляет: «И были у него прекрасные темные волосы, по плечам ниспадающие длинными локонами. Борода коротка и густа и того же цвета. А глаза столь зорки, что лишь немногим смелости хватало взглянуть ему в лицо». Откуда такой почет красоте?

А все потому; что красота в Средние века считалась внешней формой добра. Да-да, именно. По красивому телу судили о мужестве, широте души и добродетелях. Физические увечья и недостатки, напротив, по такой логике символизировали зло и греховность. Поэтому в целом ряде рассказов убийцу Хагена изображают одноглазым.

Но вернемся к версиям о происхождении Зигурда. В одной из песен «Эдды» его отец именуется «королем в земле франков». Имя же приемного отца героя Хильпрека напоминает имя франкского властителя Хальперика из рода Меровингов.

А вот «Младшая песня о Зигурде» местом происхождения героя называет земли гуннов. Следуя указаниям «Саги о Дитрихе», так в те далекие времена называлась Вестфалия, простиравшаяся вплоть до Нижнего Рейна.

Известно и то, что Зигурд и весь род Вельзунгов в скандинавской поэзии считался «иноземным», состоящим из выходцев из соседних земель, германцев с «большой земли».

Неслучайно в «Саге о Дитрихе» и упоминание об оленихе, вскормившей нашего героя. Этот мотивчик совершенно явно перекликается с прозаическим отрывком «Младшей Эдды», в котором повествуется о Зигурде — человеке-олене, Sigurd Hjrtr. И вот этот-то Зигурд-олень был убит во время охоты неким Хаки. В свою очередь, мотив убийства оленя перекликается с более поздней историей — сценой убийства Зигфрида в «Песне о Нибелунгах». В ней Хаген убивает Зигфрида во время охоты в Оденвальде. Вот она, связь времен через кочующие вечные сюжеты, сплошное любование!

Вариаций много, и нас это нисколько не должно смущать. Они являются лучшим доказательством того, насколько живучей оказалась история о Нибелунгах в культурных кругах Скандинавии, Англии и Германии на протяжении долгих веков.

И среди многочисленных историй одна оставалась во все времена самой известной и интригующей: та, которая касалась тайны сокровищ Нибелунгов. Чужие богатства, в особенности тайные, редко кому позволяли почивать в безмятежном покое. Напротив. Падкое

на чужие секреты человечество способно проявлять незаурядную прыть и поистине азартное любопытство в вопросах приобретения могущественных артефактов. Даже если рискует разбить себе лоб, а то и вовсе сгинуть. Смешно, но факт...

Тайна сокровищ

Культ богатства и поклонение ему, как вы догадываетесь, не являются изобретением современности. Французский аббат Одо Клунийский еще в X веке сетовал на бытующие настроения и рвал на себе редкие волосы: всяк желает обогатиться, а кому это удастся, попадает в неволю все большей алчности, даже если у него и так вся земля во владении. Епископ Гильдеберт Лавардин в 1120 году выразился еще более недвусмысленно: «Миром правят деньги».

Однако удивляться, собственно, нечему. Алчность и власть золота царили в раннее Средневековье даже в мире германских богов, поскольку изображаемые боги не только зримо странствуют по земле, но и подвержены все тем же человеческим слабостям. Вот как выглядит история о сокровищах в прозаических отрывках «Эдды».

Однажды Один, Локки и Хенир отправились познавать мир. Дело-то, в сущности, очень полезное. Однако у водопада три бога увидели выдру, и Локки, бросив камень, убил ее. Взяв с собой «припас», троица богов-охотников завернула на двор сведущего в волшебстве великана Хрейдмара.

И тут выяснилось, что под обликом выдры, по-охотничьи убитой богами, скрывался сын хозяина дома. Ничего не подозревавшие боги попадают в крайне щекотливое положение. С помощью двух других своих сыновей — Регина и Фаф-нира — Хрейдмар связывает верховных богов германского пантеона и требует выкуп за убиенного сына. В конце концов Один и его коллеги по божественному цеху вынуждены согласиться на откуп: золото за свободу.

И поскольку в тот момент богам не дано было творить чудес, а в кошелях — пусто, им пришлось посылать Локи за откупными. И вот тут начинается, пардон за вульгарность, чисто гангстерская история.

Локи целеустремленно направляется к горному народцу, о богатствах которого повсеместно идет умопомрачительная слава. Хранителем сокровищ является гном Андвари (в «Песне о Нибелунгах» — Эльберих). Он встречает Локи в образе рыбы...

В скобках заметим, что оборотничество, являясь излюбленной забавой, было весьма популярно в мире великанов, гномов и подземных духов.

О нем часто рассказывается в песнях «Эдды», причем с большим знанием дела. Но мы, однако, отвлеклись...

Итак, Локи вылавливает гнома-рыбу и начинает самым небожественным образом его шантажировать, требуя выдачи всех сокровищ подземных духов. В конце концов, отдав золото, Андвари в приступе надменного всемогущества заявляет о существовании волшебного кольца, с помощью которого он легко сможет заново наколдовать утраченное золото. Ох, не надо было ему поддаваться нашептываниям собственной спеси, ох, не следовало... Разумеется, Локи отнимает у гнома еще и кольцо.

И вот тогда Андвари вдогонку проклинает бессовестного бога, напрогносив насильственную смерть каждому будущему хозяину кольца. Как мы знаем, с этого момента пророчество-проклятье будет сбываться с убийственной точностью.

Наконец погибшую выдру-оборотню набивают всем добытым золотом. Увы! Остается свободным еще одно крохотное местечко, и приходится добавить к выкупу еще и волшебное кольцо. А с ним на семейство Хрейдмара переходит и проклятье: впоследствии отец становится жертвой алчных сыновей. Вместо того чтобы поделить «контрибуцию» по-честному,

сильнейший из них — Фафнир — захватывает все сокровища себе вместе с чудо-оружием отца. Регин же вынужден спасаться бегством. В результате он оказывается при дворе короля Хьялприка. А его алчный брат принимает облик дракона и ложится на спрятанные на лугу Гнита сокровища. Такова предыстория драконоборчества и завоевания сокровищ.

В этом месте сюжета на сцене как раз и появляется Зигурд. Регин видит, что юный и сильный герой может стать прекрасным орудием мести Фафниру. Вдвоем они, как уже говорилось, выковывают смертоубийственный меч Грамр. Зигурд все еще одержим идеей отомстить за убитого отца. Так что Грамр сначала будет испробован в боях против хундингов. И уже только после этого юноша заинтересуется нашептываниями своего нового воспитателя о легендарных сокровищах и злом драконе. Сокровища и монстр — неплохое начало героического пути!

В «Песне о Фафнире» есть замечательная сцена. Когда дракон уже сражен, между умирающим чудовищем и победителем героем происходит весьма оригинальный разговор. Поначалу Фафнир вежливо интересуется происхождением своего противника: «Бродяга, бродяга, какой же бродяга породил тебя?» — и Зигурду приходится объясняться: «Дитя, что матери не знает. Да и отца». И поскольку победитель симпатичен жертве, дракон дает ему добрый совет: нет ничего лучше, нежели солидное воспитание в семье, а золото испортило уже не одного человека. Зигурд, правда, на это замечает, что лучше умереть богатым и невоспитанным, нежели нищим. Но наш интерес в другом: в чем смысл этих «драконьих поучений»?

И тут мы узнаем, что, поскольку скальды работали еще и учителями подрастающей скандинавской молодежи, они привносили в свои стихи нотку морализаторства. И если мы с вами внимательно вчитаемся в «Песню о Нибелунгах», то обязательно столкнемся с философскими цитатами, заимствованными из некоторых песен «Эдды» и приводимыми с единственной благой целью — воспитательной. Ведь боги и герои, как вы помните, далеко не всегда ведут себя божественно и героически; им присущи и сомнения, и неудачи, и заблуждения. Нередко даже преступные. Где ж читателю тогда нравственного разума зачерпнуть? А вот как раз в «драконьих поучениях». Так, Зигурд, к примеру, узнает от умирающего Фафнира тайны мира человеческого и тайны мира богов. И только поведав все тайны, передав частицу своей мудрости, предупредив Зигурда о коварстве Регина, дракон отходит в Вальхаллу.

Дальше все развивается очень стремительно. Помня о предупреждении Фафнира, Зигурд делается осторожен и подозрителен. Когда Регин отпивает крови дракона и засыпает у костра, Зигурд продолжает жарить над огнем драконье сердце. Голыми пальцами неопытный кашевар проверяет непрожаренное мясо, а потом подносит обожженные пальцы к губам. История эта рассказывается лишь потому, что служит пояснением, почему вдруг герой начал понимать звериную речь (рецепт тут следующий: попробуйте кровь дракона, и дело решенное!). От птиц он узнает, что Регин планирует его убийство, и... отрубает спящему обманщику голову. Нагрузив сокровища на коня Грани, герой прихватывает и чудо-оружие из коллекции Фафнира: здесь находится некий «шлем Оеги», тайное оружие, наводящее смертный ужас на врагов.

Такая вот у нас получилась пространная иллюстрация. Зато теперь-то мы точно знаем, что средневековое человечество вполне соответствовало и своим богам, и своим героям.

А что говорит нам про историю сокровищ и борьбу с драконом немецкая «Песня о Нибелунгах»? Какова более поздняя версия событий? Выясняется, что версия несколько иная. В общей канве повествования отрывки о юности Зигфрида вообще кажутся, как ни странно, чем-то чужеродным: искажены старые взаимосвязи, генеалогия владельцев сокровищ от Андвари — Локки — Хрейдмара — Фафнира до Регина — Зигурда теряет свое значение точно так же, как и мотивы проклятья, мести за отца и т. д. Только один сюжет остается в живых у немецкого поэта:

охраняемое гномом сокровище, чудо-оружие (плащ-невидимка) и необычные свойства драконьей крови.

Итак, Хаген, мудрый советник бургундских королей, узнает скачущего в Вормс Зигфрида по его сияющему лику. На вопрос Гунтера, кто же такой этот героический Зигфрид, советник вместо ожидаемой истории о битве с драконом упоминает совершенно другую историю. О том, как Зигфрид спас жизнь и государственные сокровища неким королевским сыновьям Нибелунгу и Шильбунгу. При этом сокровища — драгоценные камни и красное золото — были столь огромны, что «сотни телег показалось бы мало».

В другом месте «Песни...» говорится уже о четырех телегах, в течение четырех дней и ночей перевозивших сокровища из горной пещеры. Там же находился и удивительный меч Бальмунг, с помощью которого герой из Ксантена одолел королевских сыновей, двенадцать великанов и семьсот чудищ из земель Нибелунгов. Остальные нибелунги вместе с гномом Альберихом предпочли сдаться. Во время поединка с Альберихом Зигфрид отнимает у гнома очень редкий плащ-невидимку.

Так выглядит история о сокровищах в изложении Хагена. Согласитесь, что это уже вовсе не та, привычная для нас, «драконья» история. Единственное упоминание о битве Зигфрида с драконом Хаген делает вскользь, между делом. И связано оно не с сокровищами, а с неуязвимостью, полученной в награду за убийство монстра: «Вообще-то знаю я о Зигфриде поболее: он собственной рукой победил дракона, в крови его и искупался, так что кожа его отныне словно панцирем покрыта».

Ну, и пару слов о «женской» истории. Согласно скандинавским сказаниям, именно знание птичьего языка дает герою преимущества в отношениях с представительницами слабого пола. В «Песне о Нибелунгах» этот прежний смысл утрачивается, «женский вопрос» тоже выглядит иначе.

Прибытие корабля бургундов к берегам Свенка лишь потому взволновало островитян, что корабль, помимо знавшего дорогу Зигфрида и пары южан-мореходов, был совершенно пуст.'

Прежде приходили сюда издалека корабли с разными чужеземцами. И здесь ко всему привыкли. Но чтоб пустой корабль? Причем не корабль воинов, нет, — торговый, широкий, большой.

Свенке о корабле доложили летним утром, когда король был занят иными совсем делами.

— Прибыли из Ургундии, — сообщил гонец, плохо понявший слова чужеземца.

— И кто бы это? — раздраженно спросил Свенке.

Никто при дворе не слышал о землях с таким названием. Послали к кораблю еще одного гонца, и тот вернулся со следующими известиями: земля ургундов, правят ею в крепости Вормец могущественные король Гундур и его братья Герн и Гизлер, рядом река течет, широкая и бесконечная, зовется она Ринус или Рин.

Свенке пожал плечами. Песен о таких королях он не слышал. А потому сделался недоверчив.

— Чего им здесь надобно? — покачав головой, спросил он.

Гонец принялся пояснять далее:

— На корабле том прибыл господин Зегедур, великий воин с реки Рейн, союзник Гундура. Прибыл, дабы просить руки Брюнгильды!

— А он знает, что ему придется состязаться со мной? — выкрикнула Брюнгильда, велела седлать коня и поскакала в порт.

Было раннее утро, когда Брюнгильда решил взглянуть на пустой корабль. Зигфрид стоял на борту, поставив ногу на ящик. Он закрыл глаза и откинул голову, подставляя лицо лучам солнца. Ветер играл его золотыми волосами, подобными огненному облаку. Он улыбался солнцу.

Брюнгильда сразу же поняла, что он — Смелейший из Смелых, ибо таким она всегда и представляла его: большим, сильным. И она захотела, чтобы он победил ее, чтобы он оказался тем, кто закончит ее глупую игру в состязания с женихами. Он, чужой король пустого корабля, собравшийся взять ее в жены, должен стать ее Избранником.

Лишь поздним вечером впустили Зигфрида в зал Свенке. Он вошел, держась по-королевски. Брюнгильда, хоть и пожирало ее любопытство, спряталась за спиной своей бабушки Лайлы и наблюдала за Зигфридом с отчаянной решимостью.

«Он!» — подумала она. Непобедимый, которому она желала победы.

— Назови свое имя, — потребовал Свенке.

— Я — Зигфрид, господин на Рейне, господин бургундов, господин Ксантена, господин земли Нибелунгов, великий король моей земли, прибыл просить руки твоей дочери, прекраснейшей Брюнгильды.

— Ты знаешь нашу дочь? — спросила королева Ильва.

— Конечно! — воскликнул Зигфрид. — Какая ж еще женщина на островах может быть прекраснее ее?!

И тут бабушка Аайла сказала о внезапном госте:

— Ах, как же юн и, ах, до чего же чужой.

А потом поднялась и покинула королевский зал.

Знала ли она, что ожидает ее Брюнгильду, знала ли она, что этот человек, выгледевший столь мужественно и бывший столь бесчеловечным, что этот человек не заметит сердца Брюнгильды?

Именно потому, что был он так юн, именно потому, что был он не тем, был чужим.

Зигурд, шерше ля фам!

Вмертвой тишине после битвы с драконом Зигурд сидит у ночного костра. Мертвый Фафнир брошен на лугу, его брат Регин убит прямо у огня. А Зигурд невозмутимо готовит кровавое сердце дракона и обдумывает планы на

героическое будущее. И вот тут-то в тишине раздается пронзительный клет — это семь орлиц, пернатых свидетелей происшедшего, решают побеседовать друг с другом. Умные птицы оповещают юношу о двух женщинах: прекрасной дочери короля Гуку и мужеподобной валькирии.

Все утро Зигурд занят погрузкой сокровищ. А затем герой отправляется в путь, естественно гарантирующий ему новые приключения. Он отправляется на гору Хиндарфиал, где и обитает валькирия. Там Зигурд видит отлично укрепленную крепость, а в ней-то как раз и находится... спящая красавица, сиречь валькирия. Только благодаря волшебному острому мечу Грамру, не затупившемуся даже о дубленую шкуру дракона, Зигурду удается освободить тело спящей валькирии от заколдованной кольчуги. Нарушен волшебный сон, и пробудившаяся красавица рассказывает герою свою печальную историю: Один наказал ее за непослушание, она укололась о заколдованный шип и попала в плен Морфея на горе Хиндарфиал. Милая валькирия

тут же превращает напиток- приветствие освободителю в любовное зелье.

Это первая, самая быстротечная версий встречи с Брунгильдой. В другой Зигурду приходится попутно совершить пару-тройку мелкомасштабных подвигов, чтобы добраться до заколдованной валькирии. В «Эпосе о Вельзунгах» он должен проскакать сквозь огненную стену, а в «Саге о Дитрихе» ему приходится одолеть стражей крепости, находящихся в крайне дурном расположении духа.

В северных песнях и рассказах эта самая валькирия известна под двумя именами: Зигфрида (!) в песнях «Эдцы» и Брунгильда. Дочь короля Будли, она одновременно еще и сестра гунна Атли, который в дальнейшем сыграет роковую роль в истории Нибелунгов.

Бог Один повелевает валькирии прекратить битвы и обзавестись, в конце-то концов, нормальной семьей. Вполне традиционная история. Упрямая и воинственная дева предпочитает вечный сон, заявив, что станет женой лишь истинного рыцаря — «рыцаря без страха и упрека».

В «Песне о Нибелунгах» все выглядит куда более красочно: любой из претендентов на руку Брунгильды должен одержать верх над могущественной валькирией, состязаясь с ней. И вот на этом-то месте королю Гунтеру и придется выступить в компании могучего Зигфрида. Лишь при помощи героя ему удастся одержать верх над разъяренной дамочкой и принудить ее к браку.

В скандинавских песнях валькирия считалась великой волшебницей, понимающей в рунах. Ас такой лучше понапрасну не связываться. Зигурд и Брунгильда клянутся друг другу в верности, а затем герой вновь отправляется навстречу приключениям. Конь Грани несет его ко двору короля Гиуки, где герой знакомится с королевскими отпрысками Гуннараром и Хегни. Их сестра Гудрун, красоту которой, кстати, восхваляли орлицы, вызывает явный интерес к юному Зигурду — рыцарю, естественно, «без страха и упрека».

В данном месте сюжета не обходится без мотива о коварной теще. В «Эпосе о Вельзунгах» подробнейшим образом описывается, как мать Гудрун — Гримхильда готовит напиток забвения и угощает им Зигурда, чтобы он позабыл о данной Брунгильде клятве. Женская хитрость удается: Гудрун и Зигурд становятся счастливой супружеской парой; в более позднем варианте «Эпоса о Вельзунгах» в этом браке даже рождается два ребенка: Зигмунд и Сванагильд — герои следующего поколения.

Следуя логике героических песен, совершенно ясно, что нарушение священной клятвы — даже и под влиянием одурманивающего зелья — карается страшно. Несчастье грозит Зигурду, нарушившему клятву, и семье короля Гиуки (то есть бургундам из «Песни о Нибелунгах»). При дворе Гиуки мудрая валькирия Брунгильда — персона известная. В «Эпосе Вельзунгов» Зигурд сам рассказывает о поразительной женщине, правда так и не вспомнив о собственной роли в ее истории, и советует Гуннару жениться на ней. Кроме того, оказывается, что и Гудрун когда-то уже пользовалась услугами Брунгильды-предсказательницы.

В старых вариантах саги Зигурд и Гуннар вместе отправляются свататься. Третья «Песня о Зигурде» из «Эдды» в целом ряде стихов описывает это самое сватовство: Зигурд возвращается к Брунгильде, всходит с валькирией на ложе, однако кладет меж ними меч и ведет себя совсем не как пылкий влюбленный. Брунгильда, явно оскорбленная таким поведением забывшего (буквально!) о ней возлюбленного, соглашается на брак с Гуннараром.

Позднейшим поэтам такое объяснение показалось несколько неубедительным. В «Эпосе о Вельзунгах» валькирия становится жертвой хитроумного обмана. Поскольку ее жилище по-прежнему окружено стеной огня, через который способен пробраться лишь Зигурд, герой на время меняется (!) обликом со своим шурином Гуннараром, чтобы тот смог добраться через палящий рубеж до своей будущей невесты. Отчего-то Брунгильда тоже не сразу вспоминает о данной Зигурду клятве. Только при дворе короля бургундов память вновь возвращается к

валькирии вместе со старой любовью.

В норвежской «Саге о Дитрихе» мотив забвения и вовсе отсутствует. Вместо этого рассказывается о гневе Брунгильды, когда валькирия замечает, что Зигурд явился сватать ее за другого. Только лишь чудом герою удается уговорить Брунгильду выйти замуж за Гуннара.

В любом случае поведение Брунгильды в высшей степени загадочно. И неправдоподобными поэтому кажутся все варианты пьесы.

Немецкая «Песня о Нибелунгах» придерживается иной версии. В «Песне о Нибелунгах» Брунгильда, юная королева, правит в Исландии. Слава о силе ее и красоте доходит до короля бургундов Гунтера. Зигфрид в это время начинает выказывать неподдельный интерес к сестре Гунтера — Кримхильде. И герои приходят к соглашению: Зигфрид помогает бургунду завоевать Брунгильду, а в награду ему позволяют жениться на сестре. И лишь намеком поэт «Песни...» упоминает о прежней связи, некогда существовавшей между Зигфридом и Брунгильдой.

Зигфрид между тем, единственный, кому известна дорога в Исландию. Таким образом, поэт словно дает понять, что ему ведомы иные источники, посвященные данной теме, но по определенным причинам он не включил их в свое собственное произведение.

Брунгильда же, по данной версии, подвержена забвению: она не узнает ни Зигфрида, ни тем паче Гунтера, когда те высаживаются в порту перед ее крепостью. Поначалу она вообще считает именно Зигфрида королем-женихом.

С помощью своего бесценного плаща-невидимки Зигфрид поддерживает короля бургундов во время состязаний с Брунгильдой, в которых могучая дева едва не победила соискателя ее руки. «Олимпиада» для претендента проводится в несколько этапов: битва на мечях, бросание камней и прыжки.

Выбор валькирии в невесты озадачивает приближенных Гунтера. Так, Хаген скептически замечает: «Что нашел король в такой красавице! Ей лучше в аде невестой сатаны бы стать». Даже брошенный ею камень, который «двенадцать смелых, сильных героев... лишь с трудом» несут, не производит восторженного впечатления на спутников короля.

Но дело движется к развязке. После того как Гунтер с помощью Зигфрида побеждает в поединке на мечях, герой из Ксантена, укрытый плащом-невидимкой, бросает дальше Брунгильды камень, да и прыгает — на плечах с Гунтером — лучше помрачневшей хозяйки. Она же вынуждена признать свое поражение, но по-прежнему остается недоверчивой, даже на пути в Вормс.

В первую брачную ночь Гунтер переживает вполне заслуженный конфуз. Брунгильда внезапно требует, чтобы он вновь доказал свою силу. Вполне закономерно, что поединок на супружеском ложе заканчивается тем, что остаток ночи король коротает в кладовке на крюке для одежды. И вновь пришлось призвать на помощь Зигфрида: следующей ночью, укрывшись плащом-невидимкой, он одолевает капризную супругу своего монарха и забирает в виде трофея ее пояс.

Щекотливая сцена в кладовке, первопричина дальнейшей ссоры королей Брунгильды и Кримхильды (она же Гудрун в Скандинавии), описана также в скандинавской саге XIII века.

В «Саге о Дитрихе» Зигурд и соблазняет деву-воительницу, и ворует ее кольцо, в то время как король Гуннар стоит у дверей.

В «Эпосе о Вельзунгах» о сцене соблазнения не сказано ни слова, однако в покоях королевы Зигурд действительно крадет то самое волшебное кольцо — Андварнаут — из сокровищ Фафнира, которое когда-то сам же и подарил валькирии. Да уж, как-то не по-джентльменски...

Как же быстро забывается что-то, если есть причины позабыть.

Зигфрида отвели на корабль. Король поставил по всему берегу стражу, на случай

если пустой корабль был всего лишь отводом глаз, по замыслу коварных врагов.

Стояла тихая, безветренная ночь, непривычная для островов. Считалось, что в безветренные ночи на охоту выходят духи земли — яростные существа, забирающие с собой невнимательных и юных.

А когда совсем стемнело, заухали совы в порту. И это было таким дурным предзнаменованием, что даже самые смелые и те испугались. В тишине безветрия снасти пустого корабля скрипели столь жутко, что в сердцах стражников воцарился ужас.

А Зигфрид пел. Громко и весело пел он на своем пустом корабле. Затих он лишь тогда, когда за край борта уцепилась сначала одна а затем и другая рука... А потом появилась Брюнгильда — мокрая и стучащая зубами от озноба и ночной прохлады.

— Хо-ля-ля! — едва слышно произнес Зигфрид, — Это кто тут у нас? — Эти слова он говорил всем женщинам, выказывающим ему интерес и внимание. Но Брюнгильда... Он был действительно поражен и даже слегка смущен...

...Мне больно рассказывать о шей матери. Но я сделаю это, как делала она сама. Позднее, когда безумие уже прочно закралось в ее мысли, она сказала мне: «До того как узнала я твоего отца, я существовала, делала что-то и говорила, но я еще не родилась самой собой..»

...Вот и перед Зигфридом на пустом корабле стояла Нерожденная, что уже жила и не знала, как живут на самом деле. Не моя мать. Моя мать сначала породила саму себя, а уж затем меня.

— *Godan kvold.* Это я, — сказала Брюнгильда.

Одежда липла к ее телу, по волосам стекала вода, она замерзла, но не замечала этого. Зигфрид улыбался ей так же, как улыбался днем солнцу.

— Эй-эй, — произнес он. — А смею ли я, несчастный, спросить, что вы желаете здесь?

Вот этого Брюнгильда не могла объяснить ему. В отличие от Кримхильды, она не была в неведении относительно мира и мужчин. Она всегда знала, о чем идет речь, — даже без личного опыта знала, как это происходит. Подсматривала, как и все прочие, когда была маленьким ребенком. Вот только в юности сама никогда не находила того, кто показался бы ей ценным.

— Это и в самом деле чудо — видеть тебя здесь, благородная дама, — проговорил Зигфрид.

Брюнгильда улыбнулась.

— Какая улыбка! — воскликнул герой и улыбнулся в ответ. Как улыбался солнцу.

«Этого достаточно», — решила Брюнгильда. Она слегка привстала на цыпочки и бросилась к Зигфриду. Оба упали на палубу — Брюнгильда в попытке поцеловать Зигфрида, Зигфрид в попытке не сломать себе шею. Брюнгильде показалось, что слишком уж тяжело завоевывать любовь мужчины, намного тяжелее, чем она представляла. Она вновь попыталась поцеловать Зигфрида.

— Брюнгильда, — прошептал Зигфрид более понятно.

— Да? — тихо отозвалась она и ухватилась за его пояс. И тут наконец он понял...

— Это кто тут у нас? — Эти слова он говорил всем женщинам, выказывающим

ему интерес и внимание.

— Зегедур, — проговорила она имя своего избранника.

— Что тебе? — спросил Зигфрид, зевая.

— Когда же мы поженимся? — спросила она его.

— Я должен завтра для начала одолеть тебя в состязаниях, — ответил гость из чужой земли и вновь зевнул.

— Я позволю тебе победить, — сообщила Брунгильда. — Нет, честно, я позволю тебе победить.

Смерть Зигурда

Однако победителю не суждено было, как мы знаем, ни остаться в победителях, ни прожить сказочно долгую жизнь...

Неотъемлемой частью древних сказаний, вне всякого сомнения, становится ссора королей и последовавший вслед за этим заговор против Зигурда-Зигфрида. Отрывок; сохранившийся от «Старшей песни о Зигурде» (датирован 900 годом), повествует о плане Гуннара и Хегни заманить Зигурда в ловушку. Брунгильда же изображается движущей силой возмездия. Услышав об убийстве Зигурда, она разражается громким смехом, «разнесшимся далеко за крепостью».

И хотя сама ссора Брунгильды с Гудрун в этом отрывке не описывается, ее вполне возможно реконструировать по версиям более поздних песен и сказаний. Вот этим-то и займемся, пожалуй.

Итак, согласно прозаическим отрывкам «Эдды» под авторством скальда Снорри Стурлусона, женская «перебранка» начинается во время... стирки белья в реке. Вы разочарованы? Поражены? Что ж, могу вас понять. Занятие для королевских особ, скажем прямо, неожиданное. Не сказать бы (да простят нас дамы) — плебейское. Но, так или иначе, это было именно оно, да и какая, в общем-то, нам теперь разница. Будем держаться ближе к сути. Что, собственно, происходит?

А происходит следующее. Брунгильда меняет место стирки на том основании, что не хочет пользоваться той же водой, что и Гудрун, поскольку муж последней кажется ей слишком высокомерным. Гудрун тут же заявляет, что ее супруг во всем превосходит Гуннара, муженька Брунгильды, в том числе и умом. Она открывает своей сопернице тайну обмана. И в доказательство правдивости своих слов демонстрирует валькирии кольцо, которое Зигурд прихватил из покоев королевы. «Тут смолкла Брунгильда и домой пошла. Она умолила Гуннара и Хегни казнить Зигурда».

Братьев пугает подобный поступок, ведь они связаны со своим шурином узами священной клятвы. Но выход найден. У них же еще имеется сводный брат Гутхорм! Тот уж точно никакими клятвами не связан, а потому легко может взять на себя убийство. Отрывок «Старшей песни о Зигурде» сообщает о совместной поездке Гутхорма и Зигурда, из которой Зигурд уже не возвращается.

Убийство Зигурда — излюбленный мотив в творчестве средневековых поэтов, окрылявший их фантазию невероятно. Сохранилось самое меньшее пять разных версий того, как столь замечательный герой лишился жизни. Во второй «Песне о Гудрун» рассказывается о тинге (суде у скандинавов), на который Зигурд выезжает вместе с бургундскими королями. В финале к Гудрун возвращается лишь окровавленный жеребец Грани. «Младшая Эдда» благородно предоставляет Зигурду возможность почить в собственной постели вместе со своим сыном Зигмундом.

Самая поздняя из трех «Песен о Зигурде» вообще не упоминает о сцене ссоры королев. Поэт довольно талантливо накаляет страсти при дворе бургундов. Брунгильда мучительно переживает измену Зигурда и его любовь к Гудрун. Из любви рождается непримиримая ненависть. Валькирия даже отказывается делить супружеское ложе с Гуннаром. «Пока не велишь убить ты Зигурда». Поначалу Гуннар отказывается исполнять жестокий каприз жены. Однако семейный бойкот Брунгильды и угроза расставания принуждают его дать согласие на преступление. Своему брату Хегни Гуннар признается: «Мне Брунгильда, дочь Будли, милее всех». Хегни пытается отговорить брата, демонстрируя преимущества совместного владычества с Зигурдом, тогда «мы и богов с их трона сгоним». Но Гуннар уже все решил для себя. Убийца Гутхорм заманивает Зигурда в пиршественный зал, где и убивает. Умиравшего приносят в покои Гудрун, где он обвиняет в преступном деянии не только ее братьев, но и Брунгильду: «Всем бедам причиной Брунгильда». И на руках безутешной супруги герой умирает.

Автору немецкой «Песни о Нибелунгах» был известен оригинальный вариант ссоры королев. Но публика времен 1200 года вряд ли смогла бы представить себе занимающихся стиркой на реке «государынь всея Нибелунгии». А потому место ссоры избирается более благородное. Оно переносится на ступени Вормского собора, в который королевское семейство по воскресеньям ходит на мессу. Вообще-то, данный эпизод является одной из немногих попыток придать старым языческим сказаниям незначительную христианскую окраску. Но даже стены собора не придают поведению героев ни благочиния, ни смирения.

И поскольку ссора давно назрела, королевы не смущаются обстоятельством «божественного присутствия». Брунгильда заявляет, что Зигфрид всего лишь вассал Гунтера, обязанный подчиняться. Оскорбленная Кримхильда в ответ с наслаждением раскрывает подробности обмана со сватовством в Исландии. После чего добавляет, что Брунгильда-то самая что ни на есть блудница. Потому что не Гунтер, а Зигфрид сделал ее женщиной в первую брачную ночь. И в порыве мщения в доказательство предъявляет припасенные на такой случай артефакты: пояс и золотое кольцо Брунгильды.

А король Гунтер решает не вмешиваться в женские распри — по вполне понятным причинам, — и Брунгильда, испытывая страшные душевные муки, обращается за помощью к Хагену. Именно Хаген уговаривает короля решиться на убийство Зигфрида. Вдова героя понимает, что именно Хаген оказался убийцей, когда тот подходит к гробу Зигфрида и раны убитого вновь начинают кровоточить. И это только начало череды кровавых событий.

Как свидетельствуют северные легенды, после убийства Зигфрида не остается ни одного героя, чья судьба не стала бы фатальной и обошлась бы без жестоких последствий. И невинную вдову, и «заказчицу» преступления, и его исполнителей — всех ожидает чудовищная, кровавая смерть. Самая старая из песен, посвященная данной теме, — «Старшая песня о Зигурде» — говорит следующее. Во-первых, ворон пророчит заговорщикам гибель при дворе Атли. Во-вторых, Брунгильде ночью снится сон, в котором также речь идет о конце рода Нибелунгов. К слову сказать, сны в средневековой литературе носили функцию предсказаний будущего. Так, в самом начале «Песни о Нибелунгах» Кримхильде видится во сне великолепный сокол, которого у нее на глазах растерзывают два могучих орла. И это — первое предостережение о судьбе ее будущего супруга.

Дальнейшая судьба Гудрун-Кримхильды воспевается в трех коротких «Песнях о Гудрун». Первая — самая ранняя из них — описывает непомерное горе Гудрун. Женщины при королевском дворе пытаются утешить ее историями о собственных великих страданиях. Но Гудрун остается безутешна, и наступает тот самый момент, когда горе превращается в страшный гнев. Своему старшему брату Гуннару она бросает в лицо, что недолго тому радоваться сокровищам Нибелунгов: «Тебя кольца златые жизни лишат, ибо клятву Зигурду давал ты». Ее

соперница Брунгильда называется несчастьем королей и народов. В конце концов Гудрун покидает королевский двор своих братьев и избирает долгое изгнание. В «Песне о Нибелунгах» отец Зигфрида принимает у себя безутешную невестку.

Во второй «Песне о Гудрун» вдова оказывается при дворе гунна Атли, повелителя дикого и воинственного племени и — по исландской традиции — брата Брунгильды. С удивлением слушатели этой песни узнают о том, что Гудрун там буквально осыпана золотом с ног до головы, что она... жена Атли. И как только безутешная вдовица могла выйти замуж за брата своей злейшей неприятельницы? Ответ прост: она вкусила напиток забвения, который дала ей мать, Гримхильда. Да здравствует напиток забвения — панацея от всех средневековых бед!

А вот в старонемецкой «Песне о Нибелунгах» упоминаний о родстве Атли и Брунгильды уже не сыщешь. Здесь Этцель (Атли) спустя семь лет после вдовства Кримхильды просто сватается к ней.

Зато скандинавская версия, как водится, исполнена чудес истинного коварства. В ней Атли с самого начала вынашивает злое планы. Приведу краткий рассказец в прозе под названием Dsar Niflunga — «Смерть Нибелунгов».

После убийства Зигурда Гуннар и Хегни овладевают сокровищами Нибелунгов. Атли же обвиняет их в... самоубийстве (!!!) Брунгильды. В качестве откупа братья-короли отдают, свою сестру Гудрун в жены гунну Атли. На свадьбу Атли приглашает братьев Гуннара и Хегни в свою страну. Гудрун подозревает злое планы своего жениха и пытается предостеречь братьев.

Что стало дальше с братьями, мы уже помним.

Рассказ об Атли и гибели бургундских Нибелунгов — старый и в то же время последний эпизод в авантюрной истории интриг и катастроф.

Корабль Зигфрида, груженный золотом с островов, приблизился к Вормсу.

— Что-то я не вижу крыш, покрытых золотом, — зевнула Брюнгильда, всматриваясь в туман. Спустя четырнадцать дней на корабле ей уже начало казаться, что они никогда не пристанут к суше. — И белоснежных стягов я тоже не вижу!

— А ты помнишь слова приветствия? — нервно спросил ее Зигфрид.

— Я... радуйся... что здесь... есть... благородные господа, — с запинкой повторила она, и Зигфрид глянул на нее со злобой.

— Что случилось? — невинно отозвалась она.

— Что случилось? — закричал Зигфрид, — Вот уже десять дней мы учим одну и ту же фразу, одну лишь фразу, и ты не можешь произнести ее! Этого я никак не понимаю!

— Ах, вот как? — взъярилась уже и Брюнгильда, — А знаешь ли ты, чего не понимаю я? Я не понимаю, отчего не плывем мы в Ксантен, если там твоя родина. И с каждым днем я все меньше понимаю, в какой земле ты все-таки король.

Зигфрид уже терял последние крохи терпения.

Две недели его жизни ушло на непредсказуемую женщину с севера, что задавала вопросы и выискивала в его словах противоречия.

Ты должна сказать: «Я — очень — рада, — проговорил он, едва владея собой, — что — я...»

— Зигфрид! — раздался с укрытого туманом берега женский голос. — Зигфрид! Я иду!

— Это кто? — в ужасе спросила Брюнгильда.

Спустя несколько лет после появления «Песни о Нибелунгах» священнослужитель из Пассау по имени Мастер Конрад создает продолжение песни — «Жалобу». Текст этот пользовался огромным успехом: почти во всех поздних копиях «Песни...» «Жалобу» переписывают в качестве эпилога эпического произведения. В чем же секрет ее популярности?

Название данного произведения отражает, потребности средневековых слушателей и читателей. Страшная гибель Нибелунгов, смерть почти всех героев и главных действующих лиц, трагичность отдельных судеб, как, например, Рюдигера Бешеларского, утрата всех рыцарских ценностей — все эти обстоятельства буквально потрясли души читателей. И в «Жалобе» предпринята попытка сгладить, смягчить подобное впечатление. Слушателя подталкивают к сочувствию: «Swer ez zeinem mal vemimt, der muoz ez jaemeriche klagen» («Кто сие услышит впервые, тот долго будет сетовать над этим»). Следующие 500 стихов — это собственная трактовка Мастера Конрада событий «Песни о Нибелунгах». Так, Дитрих сначала побеждает Гунтера, а уж затем Хагена. В самой «Песне о Нибелунгах» герой из Берна сначала одолел Хагена.

Подобный ход мысли Мастера Конрада далеко не случаен. В героической поэзии действовал принцип нарастания. Именно поэтому создатель «Жалобы» как бы обесценивает короля бургундов — его советник Хаген гораздо интереснее для Мастера Конрада.

Вторая часть «Жалобы» посвящена последующим событиям в крепости Этцеля. Огромный зал и весь двор крепости усеяны телами. Этцель, Дитрих Бернский и Хильдебранд-оружейник замерли на поле битвы. Медленно появляются на сцене другие уцелевшие в битве персонажи. Тут-то и начинается плач по мертвым. «Плакальщики» размышляют о роли, поведении и вине каждого из героев.

По сравнению с самой «Песней о Нибелунгах» в произведении Мастера Конрада все диалоги христианизированы. В самом эпосе христианская атрибутика по большей части совершенно декоративна; героев на тот или иной поступок толкают некие рыцарские представления, но отнюдь не религиозные мотивы. В «Жалобе» же оценка событий носит типично христианские масштабы — здесь есть все: небеса, преисподняя и огонь чистилища. «Господь нам утешенье даровал: кто жизнь свою в чести утратил, тому на небеса и отправляться».

В первую очередь Дитрих Бернский оценивает роль Кримхильды: он вспоминает о том, что schoene wip («прекрасная вдова») сделалась беспощадной мстительницей после жестокого убийства Зигфрида. А посему никто не смеет осудить ее; над нею будет вершить свой суд лишь сам Господь. Это реакция на критические слова Хагена и Хильдебранда. Первый называет Кримхильду valandinne, то есть дьяволицей, а второй осуждает безжалостное отношение Кримхильды к своим братьям и дяде.

Простой же народ тем временем совершенно не озабочен христианскими рассуждениями. Его удивляет лишь то, как знаменитый Хаген, совершивший множество чудесных деяний, мог умереть от руки женщины.

Длинные монологи Дитриха и Этцеля живописуют безнадежное положение, в котором находятся все уцелевшие после великой битвы герои. Дитрих сочувствует Кримхильде, Этцель сетует на потерю жены, сына и брата. В нестерпимой душевной муке прежний язычник обращается к христианскому Богу: «Так оставляю истуканов я моих, ибо Всемогущий гнев явил мне свой сурово».

Точно так же, как языческую основу «Песни о Нибелунгах» в эпоху 1200 года переделали по рыцарской моде того времени, так и поэты духовного чина XIII столетия переиначили ее на свой

«христианский лад».

В поисках причин разыгравшейся катастрофы Мастер Конрад говорит о *ubermout* — о человеческом высокомерии. Высокомерие — причина поведения Зигфрида, обманувшего несчастную Брунгильду; высокомерие толкнуло Хагена на убийство Зигфрида, высокомерие заставило Кримхильду заманить братьев и сородичей в смертельную ловушку. Особенно часто подчеркивается, насколько высокомерен Хаген. В нем автор «Жалобы» видит главного виновника катастрофы. Яснее ясного скажет обо всем оружейник Хильдебранд: «То дьявол всех на деяния преступные толкал. Но Хаген повинен в том, что не смог гордыню усмирить. Вел он себя надменно крайне и лишил Кримхильду всего, чем та владела».

В христианском каноне ценностей Средневековья высокомерие (по-латыни *superbia*) возглавляло длинный список смертных грехов. Оно считалось матерью всех остальных проступков и прегрешений. Гнев Божий, согласно «Жалобе», со всею силой пал на головы высокомерных Нибелунгов, которые поставили свой суд превыше суда Божьего.

Такова мораль. Таков суд современников над Нибелунгами.

Брунгильда не сразу увидела Хагена, ступив с корабля на землю. Она вообще в тот момент почти ничего не видела. Вокруг нее звучал чужой говор, множество людей смотрели на нее как, на чужеземное чудо.

Но вот она разглядела какую-то безумную девицу, повисшую на шее у Зигфрида, затем трех королей — Гуннара, Терна и Гизлера. Толстяк смотрел на нее так, как будто она хотела сожрать его. Худой смотрел так, словно она собиралась убить его. А милотный малыш взирал на нее как на привидение.

Тут толстяк заворочал головой и закричал:

— Хаген!

Брунгильда нашла это невероятно невежливым. Она и не ожидала восторга, но хотя бы почтения. Эти знаменитые короли показались ей весьма странными.

Потом толстяк подошел к ней ближе и поцеловал ее испуганно в щеку, от чего вся толпа возликовала. Затем липкими пальцами он схватил ее за левую руку. И вновь все возликовали. Брунгильда ничего не понимала и испуганно оглянулась в поисках Зигфрида, но того нигде не было видно.

— Хаген! — вновь закричал толстяк.

Брунгильда решила, что обязательно спросит у Зигфрида, что означает это слово, столь важное для толстяка.

С реки задул ветер, запутался в кронах деревьев.

— Как красиво, — сказала она негромко и улыбнулась. Очарованная, следила за ветром, поглаживавшим листья деревьев.

— Королева, — произнес голос рядом с ней.

Она обернулась и увидела высокого мужчину в алом плаще. Правый глаз его был прикрыт повязкой, а лицо казалось высеченным из камня. Голос его звучал глухо и проникновенно. Брунгильда свела брови и ответила:

— Да?

Этот человек первым заговорил с нею на языке ее родины. И это было первым вежливым жестом за день. А еще он сказал:

— Вы поедете с женщинами, — и показал на носилки, в которые как раз залезала хорошенькая девица, столь обрадовавшаяся прибытию Зигфрида.

И Брунгильда повиновалась.

Хорошенькая девица в носилках улыбнулась ей:

— Меня Кримхильдой зовут. Мы будем сестрами.
Брюнгильда попыталась улыбнуться.

II

ГЛАВА ВТОРАЯ

СОКРОВИЩА ДРАКОНА И БИТВЫ НАРОДОВ — мифы и история в эпосе о Нибелунгах

Никто из нас не станет спорить, что легенды о Нибелунгах уже сами по себе могут быть названы сущим сокровищем. Сказания, известные на сегодня просвещенному человечеству, не так примитивны, как нам бы хотелось думать. И если мы позволим себе роскошь отнестись к ним без ученого снобизма, то неожиданно обнаружим, что это не *просто сказки*, что они на удивление многослойны и зашифрованы. И значительная, большая часть из них является уникальными историческими документами, в текстах которых сохранились воспоминания о самых разных эпохах и государствах.

Великаны, гномы, волшебные сокровища, Атилла, Теодерик, гибель бургундов — все перемешалось и все сосуществует: конкретные исторические личности и сказочные персонажи, мифологические мотивы, вера в богов и мировоззрение древних германцев. Все это было. Один мир пророс в другой да в нем и остался. И поди теперь отдели «реальное» от «сказочного»... Тем более что есть у них общая «ось» — тайна сокровищ.

Так, вокруг сокровищ вертится все в обеих частях «Песни о Нибелунгах». Последние строфы первой части описывают «доставку сокровища» в Вормс. Последние строфы второй части — попытку Кримхильды выведать, где эти сокровища скрыты, и отказ Хагена выдать их месторасположение.

Сокровища Нибелунгов — это амальгама действия, первоначок поведения большинства персонажей, причина их надежд, страхов, желаний и фантазий.

Для Зигфрида сокровища — это власть. Из инвентаря драконьего клада, как мы помним, ему достается плащ-невидимка, с помощью которого герой исполняет капризы Гунтера и завоевывает для себя сестру короля Кримхильду.

Для недоверчивого Хагена сокровища тоже символ земного всемогущества. Создатель Нибелунгов упоминает золотую волшебную палочку, благодаря которой можно стать «владыкой надо всеми людьми». И становится ясно, отчего Хаген боится сокровищ в руках чужеземца и скрывает их в надежном укрытии — в водах Рейна.

Для Кримхильды же после убийства Зигфрида сокровища становятся идеальным инструментом мести. Что ж, и такое бывает.

Сами по себе сокровища Нибелунгов до конца так и остаются загадкой, неразрешимой тайной. Ни один из главных действующих лиц: ни хитроумный Хаген, ни героический Зигфрид — не знают их истинной силы и всех секретов. Кроме того, вряд ли рвущийся к власти Хаген бросил бы в Рейн золотую волшебную палочку. Да и Кримхильда, если б захотела, могла бы отомстить своим обидчикам прямо на месте — в Вормсе... Что-то еще стоит за этими пресловутыми сокровищами.

Волшебные силы сокровища являются частью мира германских богов, о котором повествуется в древних мифах и сказках. Неслучайно братья Гримм не только являлись собирателями немецких сказок, но были и выдающимися исследователями германской мифологии. Так, спящая валькирия Брунгильда превращается в Спящую красавицу, а это, посудите сами, довольно-таки знаменитый сказочный персонаж.

В средневековом немецком языке сокровища обозначаются словом *scaz*. То есть они приносят не только немислимые богатства, они становятся опасны! А потому должны быть спрятаны. Отсюда и синоним слова «сокровище» в старонемецком — *hort* (староскандинавское *hodd*), то есть «клад». Слово, одно из значений которого — «укрытие, убежище».

В античных и средневековых рассказах сокровища довольно часто защищены от воров при помощи волшебных средств. Только сверхъестественные существа или исключительные люди, наделенные особым даром, колдовскими силами, могут найти их и взять себе. Таким был могучий Зигурд, таким был бог Локи, отнявший клад у гнома Андвари. Таким был и сам Андвари, наставший на новых владельцев сокровищ страшное проклятие.

Проклятие золота играет в рассказах о Нибелунгах выдающуюся роль — все его будущие владельцы, начиная с Шильбинга и Нибелунга, Зигфрида и Кримхильды и заканчивая бургундскими королями и Хагеном, обречены на гибель.

Поговорим между тем о кладах. Во-первых, как подтверждают археологические раскопки, во времена поздней Античности и раннего Средневековья, когда человечество бредило войнами и мятежами, сокровища довольно часто прятали в целях элементарной сохранности. И похвально. Очень здравомысляще: чего ждать от кипучей событийности, никогда заранее не знаешь, так что лучше уж перестраховаться.

Во-вторых, без упоминаний о кладе, как сами понимаете, не обходится ни одно уважающее себя устное народное творчество. А уж оно-то с большим успехом и не без удовольствия раздает сюжеты о кладах и сокровищах авторской литературе. Скажем, к примеру, знаменитые братья Гримм. Охраняемое гномом сокровище фигурирует в их сказке «Беляночка и Розочка». Братья Гримм вообще собрали целый ворох рассказов о кладах, в которых особенно важны такие, как «Клад бедного брата», «Сокровища слепца» и «Сон о сокровищах на мосту».

Впрочем, в восточной сказке «Али-Баба и сорок разбойников», как вы помните, речь тоже идет о найденном при помощи волшебного трюка кладе. Аналогична и история Аладдина — он попадает в пещеру, видит подземное озеро, в котором как раз и укрыто сокровище — волшебная лампа с джинном. Почти во всех рассказах не только искатели кладов, но и их хранители наделены сверхъестественными способностями. Особенно «любимыми» хранителями кладов у сказителей всегда считались гномы, великаны, драконы или феи.

Наряду с золотом, серебром, драгоценными камнями в Средние века к сокровищам в обязательном порядке причисляли и пояс валькирии Брунгильды, редкие виды оружия и такие волшебные вещицы, как плащ-невидимка Зигфрида или чудесная волшебная палочка.

Все эти колдовские раритеты родом из чуланчика германских богов: помните, молот бога Тора Мелльнир, копьё Одина Гунгнир, которое всегда попадает в цель, посох провидицы богини Фригги? «Бытовая техника» богов наделена все теми же небывалыми силами. По крайней мере, она здорово окрыляла фантазию героев.

Прошло уже девять дней после их приезда. Брюнгильда тосковала. Ее сердце опустело.

В двери постучали, вошел святой отец, Мастер Конрад.

Вошел осторожно, с явной неохотой. И не оттого, что была Брюнгильда язычницей, а оттого, что не ведал, как вести себя с ней. Сразу же окрестить в веру Христову? Или отложить крещение до свадьбы? Так было бы и символичней, и лучше.

И вообще, он боялся заходить к ней. У Мастера Конрада были куда более смелые коллеги, миссионеры и мученики, умевшие говорить с народами севера.

А потому он был поражен.

Языческая королева, хорошо причесанная и миловидная, пала перед ним на колени.

Она что-то выкрикивала на своем родном языке. Вероятно, просила как можно быстрее окрестить ее. Мастер Конрад перекрестил ее и проговорил нежно:

— Встаньте, благородная госпожа.

А Брюнгильда считала его скальдом. Скальдов нельзя ни прерывать, ни

выказывать им непослушание.

— Садитесь же, садитесь, — молил тем временем священник.

И она поняла: при этом дворе нет скальдов.

В тот день дверь в ее покои открылась еще раз.

— Зегедур, — воскликнула она. И вопросы посыпались из уст Брюнгильды: — Почему я здесь? Почему? И где был ты все это время? Почему ты не скажешь мне, что происходит?

— Как, тебе не нравится здесь? Ты же в кругу моей семьи!

— Твоей семьи? И кто тогда госпожа Утте, от — мать тебе?

Зигфрид замер на мгновение.

— В какой-то степени.

— А Кримхильда? Она — сестра тебе?

— Кримхильда — сестра Гунтера.

С лица Зигфрида пропала улыбка.

— Брюнгильда, ты с самого начала все поняла неправильно. К вам я сватать тебя не для себя приезжал. Здесь ты — невеста Гунтера. А я женюсь на Кримхильде. В одно время с вами. Будет двойная свадьба.

Прошло немало времени, пока она поняла. Вернее, услышала, что он сказал. Слова вливались в ее душу, словно расплавленная смола, и выжигали все, что еще было живо.

Он видел, как каменела она в боли, и ему самому стало не по себе. Ведь она нравилась ему. В ней был огонь. Но это была игра, это было приключение.

— Afsakadu, — произнес он, — мне жаль, — а потом ушел.

Дверь захлопнулась за ним. Брюнгильда вздрогнула.

Она была одна на чужбине, среди народа, который не знала, запертая среди женщин, на языке которых не говорила. «Предали», — пронеслось в ее голове единственное слово. Предали.

Драконы и драконоборцы

К наиболее выдающимся хранителям сокровищ причисляют драконов. Правда, в сознании человека эти крылатые, покрытые чешуей и изрыгающие огонь монстры выполняют самые разные «рабочие» функции. «Драконьи» сюжеты были популярны всегда: и в глубокой древности, и в современной Европе. Они встречаются в мифах и легендах, в песнях и на картинах. Драконы являются перво- монстрами всех цивилизаций, ну а драконоборцы — светлыми спасителями человечества. Примеры подобных представлений можно разыскать и в иудаизме, и в христианстве, в исламе и язычестве, в сказаниях Египта, Дальнего Востока, Греции, Рима, Европы и Скандинавии.

Самый древний миф о драконе родился на Востоке: шумерский бог Мардук борется с морским чудищем Тиамат, перводраконом и по совместительству владыкой хаоса. Только когда умрет Тиамат, мир может быть создан и воцарится человеческий миропорядок.

Древние вавилоняне, хетты и парсы — все знали подобные мифы о сотворении мира и первомонстрах, которым процесс Сотворения мира был отчего-то совершенно не по нюху.

В египетской цивилизации существовал миф о том, как бог Ра победил дракона Апофиса. Аналогичные подвиги приписывались и греко-римским богам: Геракл борется с гидрой, Аполлон — с пифией, Кронос — с монстром Офионеем, Великий город Фивы был основан только потому, что герой Камос победил здесь дракона, принадлежавшего богу войны Аресу.

В иудейско-христианских сказаниях драконы наделены почти безграничным владычеством. Наиболее известна история Даниила и вавилонян (Дан. 14:23). Грешные жители Вавилона свято почитали именно его... страшного дракона. Даниил по планам тамошнего царя должен был быть убит монстром, но схитрил и прихватил с собой в угощение для монстра «пирожок». Рецепт «лакомства» от Даниила-драконоборца: смола, жир и шерсть. Все это вызвало у дракона сильнейший запор и, как следствие, страшную и неминуемую гибель.

Северные драконоборцы тоже исхитрялись как могли, правда, до кулинарных фантазий у них дело как-то не доходило.

Ветхий Завет вообще очень многое привнес в описание драконов. Изрыгающий огонь и яд Левиафан — чем вам не образец для подражания всех последующих монстров? Апокалипсис тоже внес свою посильную лепту в драконий облик. Здесь он является о семи головах и десяти рогах — как аллегория, символ дьявола собственной персоной.

Исследователи насчитали свыше шестидесяти легенд о драконоборцах. Известна история Марины Антиохийской, которой в тюремном узилище явился ужасный дракон. Изрыгал он пламя и имел язык, подобный острому мечу. Дева пала на колени в молитве, дракон ею благополучно позавтракал, после чего скончался в страшных мучениях: его внутренности были порваны крестом, висевшим на шее святой.

Еще большей знаменитостью сделался святой Георгий Каппадокийский, он же Победоносец. Его борьба с драконом куда больше напоминает приключения рыцарей Круглого стола, нежели чудесные деяния христианского святого.

Даже если слово «дракон» родилось в греко-римском ареале (латинское draco), в германском пространстве сложились собственные представления об этих существах. Их называли червями (староскандинавское ormr). А воинственные викинги в эпоху раннего Средневековья именовали свои кораблики draken — драккары — и украшали драконьими головами. Что ж, когда такие драккары появлялись в IX веке на европейских реках, на Сене у Парижа или же на Эльбе у Гамбурга, дела вершились самые что ни на есть драконьи — мародерство, насилие и война.

Опыт драконоборчества отражен в целом ряде скандинавских легенд.

В староанглийском эпосе «Беовульф» мы встречаем дракона высотой в пятьдесят футов, в чешуе-панцире. Только на животе монстра чешуя чуть тоньше. Вот и удается Зигмунду в «Беовульфе» победить чудовище, ударив его копьем в брюхо.

В старых северных песнях о Фафнире Зигурд вырывает яму, над которой и кружит неосторожное чудовище, невольно демонстрируя герою свои «слабые места». Надо добавить, что и в «Беовульфе», и в песнях о Фафнире дракон способен летать только по ночам.

«Привычки» и «пристрастия» зависят от мест «происхождения» дракона. К примеру, прадракон Нидхегт вкапывается в плоть мира; он повинен в землетрясениях, вулканической активности и подземных толчках. Разумеется, только Исландия с ее геологическим строением могла предполагать веру в подобное «поведение» прадракона.

Многие из германских драконов живут в пещерах, в «Беовульфе» описывается дракон, обитающий в могильнике.

Весьма популярны также чудовища, что населяют море. Чего только стоит гигантский змей Мидгард, обитающий в Мировом океане и обхватывающий телом весь шар земной!

В других культурных кругах драконы больше напоминали огромных крылатых крокодилов, хвостом уничтожающих своих противников. Благодаря трудам африканского епископа Августина подобные представления распространились в Средневековье во всех странах христианского мира.

Как люди современные, мы с вами не можем не вспомнить о том, что драконы — существа

архетипические, символизирующие власть над стихиями жизни и могущество. Земля и Вода, Огонь и Воздух — драконы у себя дома во всех четырех элементах, а потому представляют для человека постоянную опасность. Магические свойства этих существ не ограничиваются одной лишь борьбой и разрушением. Они стары и мудры, они владывают над всем зверьем и даже могут тягаться с богами. Контакт с ними и человека наделяет особыми свойствами. Купание в крови дракона делает Зигфрида неуязвимым. Скандинавский Зигурд готовит сердце дракона на костре и благодаря подобному «блюду» в собственном меню начинает понимать птичий язык.

Охраняющий сокровища дракон впервые появляется в античной сказке Федра о лисе и драконе. В «Беовульфе» жизненным «предназначением» дракона объявляется охрана золота. Исландские поэты, скальды, придумали для сокровищ метафоры «ложе червя» и «одр Фафнира». В рассказе о Фафнире значение сокровищ совершенно прозрачно: Фафнир был сыном великана Хрейдмара. Только из-за несправедно обретенного богатства — золота богов — он превращается в дракона, сторожащего клад.

Напрямую связан с мотивом сокровищ и образ героического драконоборца. В сказаниях о Нибелунгах Зигурд (Зигфрид) побеждает в поединке с драконом и обретает легендарные сокровища, помогающие ему в последующих приключениях.

Аналогичные испытания обязаны пройти и все прочие герои средневековой поэзии: Дитрих Бернский должен ежедневно бороться в пустыне с драконами. Да и рыцари короля Артура Ланселот, Тристан и Гавейн доказывают свое мужество в битвах все с теми же тварями. То же самое касается и Хагена — в старонемецком эпосе «Куд-рун». Может показаться забавным, но в представлении средневековых поэтов и герой Ахиллес, и Александр Македонский тоже становятся... отпетыми драконоборцами. Вот так-то.

Утром Брюнгильду крестили в маленькой капелле в присутствии госпожи Утте и Кримхильды. Малыш Гизельхер с загадочным видом сказочного существа держал свечи.

А потом была свадьба, а потом была ночь.

Тишина меж Брюнгильдой и Гунтером была оглушительна. Издалека доносились крики, веселый смех, пение. Все веселились. Гунтер все бы отдал, чтобы только не быть здесь.

Да, она была хороша. Не такая светлая, как Кримхильда, не такая нежная. Но хороша. Лишь чуть-чуть загорелая кожа с небольшой россыпью веснушек уноса, густые, темные ресницы, темные брови. Над верхней губой родинка. Пораженный Гунтер приоткрыл рот, впервые почувствовав желание к этой красавице.

Гунтер протянул к ней руку, чтобы дотронуться до ее подбородка. Что произошло потом, Гунтер не мог объяснить толком. Ведь он хотел поцеловать ее!

Она схватила его за запястье. Затем последовал водопад слов на чужом языке, после чего она завернула ему руку за спину, ударила ногой, так что он чуть не потерял сознание от боли.

— Хаген! — выкрикнул Гунтер и все же потерял сознание.

Зигфрида разбудил стук в двери среди ночи. На пороге стоял король.

— Что мучает тебя, о, Гунтер? — спросил он раздраженно и злорадно одновременно. Король молча смотрел себе под ноги. А когда поднял глаза на Зигфрида, тот ахнул, насколько переменялся повелитель бургунов.

— Она не подпустила меня, — выдохнул он, — Брюнгильда, она сначала ударила меня, а потом повесила на крюк.

— Ох, эта баба! — с восхищением выдохнул Зигфрид.

— Я должен добиться ее, Зигфрид, я должен добиться ее, — произнес король, — я никогда доселе не чувствовал ничего подобного.

Он вспоминал родинку над верхней губой, единственное доказательство, что она тоже человек, женщина.

— О да, конечно, — отозвался Зигфрид, все еще удивленный этим новым Гунтером.

— Ты поможешь мне, Зигфрид? — спросил Гунтер тем тоном, которым король обращается к воинам на поле боя.

— Конечно, я помогу тебе, — ответил Зигфрид, чувствуя, что творится что-то неладное. До сих пор все было лишь игрой, приключением, но сейчас...

— Сегодня ночью ты нужен мне, — приказал Гунтер.

Эта война, война за его права в супружеской постели, казалась ему серьезней войны с гуннами. И это была первая война, в которой он решил биться без Хагена.

— Да, конечно, — улыбнулся Зигфрид, не понимая, что сам торопит свою смерть.

Когда закончилась «битва», Зигфрид обратился к королю.

— Гунтер, — прошептал он, — ни слова о том, что произошло сегодня ночью. Обещаешь?

Они, совершившие преступление, стояли и не могли взглянуть в глаза друг другу.

— Мне ль обещать? Я — король. Лучше уж ты клянись мне!

Зигфрид не мог осознать, сколь неблагодарным мог быть этот человек, и лишь с трудом вспомнил, что Гунтер действительно был королем.

— Да, я клянусь.

— Богом клянись, жизнью Кримхильды, собственной жизнью, — требовал Гунтер, дрожа от волнения.

— Да-да-да! — выдохнул Зигфрид в раздражении.

— Ни слова никому? — еще раз потребовал Гунтер.

— Ни слова! — уже в ярости отозвался Зигфрид.

Они не глядели друг на друга, ибо хорошо знали, как все выглядит на самом деле. Позорный триумфатор, опустошенный, бесчестный, утративший все силы этой ночью.

— Я ухожу к Кримхильде, — прошептал Зигфрид. И хлопнул дверью.

Только в переходе замка увидел он, что что-то держит в руках. О боги, пояс Брюнгильды с солнечными колесницами! В испуге Зигфрид сделал шаг к двери. Но, услышав стоны и скрип кровати — эту музыку одержанной победы, — он отступил.

— Ничего не произошло, — вслух проговорил он. — Да, ничего не произошло...

И двинулся к своим покоям.

Он спрятал пояс в сундуке, а затем лег рядом со спящей Кримхильдой. Да, она была прекраснейшей из женщин, чистой, нежной и любящей. Совсем другой, чем Брюнгильда.

— Ничего не произошло, — прошептал Зигфрид.

Кто такие германцы? Кто такие Нибелунги?

Сами по себе Нибелунги — это один из основных германских мифов. Но кто Такие, собственно говоря, эти самые германцы? Языковые, культурные и религиозные сообщества племен, этносов и союзов в Восточной, Центральной и Северной Европе? Вроде бы именно эту мысль внушают нам источники.

Известнейшие из подобных сообществ: готы, бургунды, вандалы, херуски, тевтоны, саксы, англв, кимры или юты — постоянно конфликтовали с римлянами. Саксы, баювары (бавары), суэбы (швабы), франки, тюрингцы и фризы — все они участвовали в гигантском переселении народов. Многие другие германские этносы известны только по римской литературе; они не оставили по себе ни археологических, ни письменных свидетельств.

Кроме того, происхождение самого понятия «германцы» тоже не вполне ясно. Римский писатель Корнелий Тацит (55—120 гг. н. э.) слово *Germania* переводит как «копьеносцы», происходящее от германского *ger* — «копье, пика». Что ж, весьма почетно.

Впрочем, понятие «германцы» появляется в латинских текстах уже в третьем дохристианском веке, и здесь оно употребляется как синоним понятия «варварство». И это уже почетным не назовешь.

Однако Тацит в биографии своего знаменитого тестя Юлия Агриколы в 100 году н. э. сообщает о германских войсках-союзниках, поддерживавших римлян при завоевании Каледонии (Шотландия). Согласно Тациту, климат в Германии плох, а море — опасно, у людей «дикопоблескивающие голубые глаза, красные волосы и высокие сильные фигуры». Неоднократно упоминает Тацит и о германской мифологии. «Германцы славят в своих песнях... богов, праотцов племени и основателей своих народов». Боги, предки и герои в культурном сознании германцев занимают главенствующее положение. В «Анналах» Тацит упоминает и о том, что германцы создают много новых песен о великих победах или трагической гибели героев.

Между тем Тацит отнюдь не единственный из римских писателей, упоминавших о германцах. Немало отрывков, посвященных различным группам народов на галльско-германской территории, отыщется и в произведениях Цезаря.

Взгляд Цезаря на германцев — это взгляд солдата. Для него они прежде всего замечательные воины. Таковыми он знал их в ту эпоху, когда 120 000 германцев состояли на службе у галльских князей. Довольно подробно Цезарь описывает свою войну с германским племенным вождем Ариовистом, вгонявшим в смертный ужас соседей-гаштов и даже римские легионы. С большим уважением упоминает о суэбах (швабах) с Верхнего Рейна: «Племя суэбов — наиболее крупное и воинственное из всех германцев». А вот о германской религии Цезарь пишет с презрением: мол, верят только в таких богов, которых можно увидеть собственными глазами: солнце, горы и луна.

К чему мы все это? Да к тому, что для истории германских этносов контакты с римлянами были чрезвычайно важны. Многие из германских мифов содержат воспоминания о столкновениях с могущественным соседом — Римской империей.

И некоторые косвенные улики указывают на то, что миф о Нибелунгах также хранит часть воспоминаний о римских временах. Достаточно вспомнить, что именно в таких «нибелунгских» местах, как Ксантен, Вормс и области по Дунаю, происходили наиболее частые контакты германцев и римлян.

Ну-с, пробежимся по историческим просторам. И заглянем на огонек к римским историкам имперских времен, описывающим поражение римского наместника в Германии — Публия Квинтилия Вара — в борьбе с германским союзом в 9 году н. э.

Как гласит история, римская провинция Германия Инфериор охватывала область на левом берегу Рейна где-то в районе современного Евросоюза и севера-запада Германии с центром в Кельне. Наиболее важными пунктами дислокации легионов считались Ветер (Ксантен), Нойсс, Кельн и Бонн. Кроме этого, следы пребывания римлян обнаруживаются в Вормсе и Альцее, двух других местах, связанных с легендами о Нибелунгах.

Земли свободных германских племен были огромным соблазном для прожорливой империи. У Рима никогда не утихал голод по таким сырьевым запасам, как железо или медь. А земли отписывались в качестве вознаграждения ветеранам.

Возглавлял римские легионы на Рейне сенатор Публий Квиитилий Вар.

Он относился к политической элите Рима, а благодаря своему браку с внучатой племянницей Августа сумел породниться с императорским домом. И вот в пятидесятилетнем возрасте он был «командирован» на Рейн.

В распоряжении Вара в 9 году н. э. было три легиона, около 30 000 солдат, среди которых 15 000 римлян и свыше 10 000 германцев из «адаптированных». Германскую часть войск возглавляли офицеры из германцев, среди которых наиболее почетное положение занимал Арминий из проримского семейства херуской знати.

Вот какое описание происхождения оставил нам римский историк Кассий Дио (155–235):

«Римляне владели некоторыми частями этой страны, однако далеко не всем, что хотели бы подчинить своему владычеству. Их солдаты занимали здесь зимние квартиры, основывали города, а варвары подлаживались под римский образ жизни, посещали рынки и заключали дружеские союзы. Но не забывали и обычаи своих отцов, свою урожденную сущность, независимый образ жизни и силу своего оружия... Но когда Квинтилий Вар стал Главой над Германией и пожелал слишком быстро реформировать ее... особенно подняв налоги над подданными, их терпению подошел конец».

У Тацита мы с вами находим историю о том, как могущественного наместника во время его возвращения из экспедиции предупреждали о готовящемся заговоре, но он, к несчастью, не возымел намерения прислушаться. Даже несмотря на донесения о том, что его собственный офицер Арминий Херуск и соседские германские племена готовят восстание.

Отчего римский наместник так доверял германскому князю? Ответ следует искать в прошлом Арминия.

Дело в том, что, еще ребенком попав в заложники к римлянам, он воспитывается в аристократической римской семье. Юный херуск выбрал карьеру военного в легионе. О том, насколько высоко оценивались его лояльность и способности, говорит факт дарования Арминию римского гражданства. Так что доверие полное.

Да и потом, кто же мог ожидать мятежа от правобережных племен Рейна, вечно враждующих друг с другом?! Вот никто и не ожидал.

Однако Вар очень сильно ошибся: Арминий никогда не был лояльным солдатом. При первом же удобном случае он воспользовался своим возвышением, чтобы объединить херусков с марсер-нами, хатами, хауками, бруктерернами и прочими племенами. Благодаря его познаниям в римской стратегии войн, он смог много чему научить германских князей.

Ловушку для Вара предполагалось устроить в землях херусков между Везером и Нижним Рейном. Место и ныне точно не известно, и многие городки неподалеку от Тевтобургского леса

спорят друг с другом по этому поводу.

Целый ряд фактов говорит о том, что ловушку устроили в местечке Калькризе в землях Оснабрюка: там археологи обнаружили римское оружие и пращи, а также человеческие кости со следами ранений. Британский майор Тони Клуни с помощью металлоискателя обнаружил в 1980-е годы в районе Калькризе римские монеты времен Августа, части доспехов и свинцовые снаряды от римских катапульта.

Кассий Дио описывает болота и густые непроходимые леса, в которые заманили римские войска. К тому же подвижность легионов сильно ограничивали проливные дожди. Римляне явно находились на неизвестной территории, на которую их обманом завели сусанины из германцев.

По плану Арминия Вару незадолго до этого сообщили о местном мятеже в центре земель херусков. И по совету своего германского офицера наместник решается самолично вмешаться в ход подавления восстания. Это решение будет стоить жизни ему и его легионам.

Кассий Дио пишет о битве, длившейся четыре дня и три ночи. Топография поля боя играла на руку германцам. По свидетельству римского историка Веллея Патеркулия, вся армия Вара «погибла в ловушке меж лесами и болотами». Вар и его офицеры покончили с собой. Об уцелевших римлянах ничего не известно, впрочем, и потери в стане германцев были тоже ужасны. Пленных легионеров, по сообщению Тацита, германцы предали казни у специальных деревьев-алтарей.

В руки германцев и Арминия попали почетные значки легиона и вся воинская касса наместника. Для Рима поражение 9 года было одним из наиболее страшных ударов в истории.

Поражение Вара было стартовым сигналом великих мятежей в пограничных римско-германских областях, когда жертвой ярости пал целый ряд римских укреплений, дорог и лагерей. Общее число легионов по Рейну даже пришлось увеличить с шести до восьми.

Битва Арминия навсегда осталась в памяти германских племен. Сказания, письма римских историков и героические песни — везде сохранился след Арминия. И в его судьбе тоже можно отыскать обрывки возможной связи с мифами о Нибелунгах.

Брюнгильда точно онемела. Она была сломлена — прежняя Брюнгильда исчезла навсегда.

И так оставалось до того дня.

В тот день она сидела за столом, чувствуя на себе взгляд Гунтера.

— Еще мне супа! — выкрикнул Гунтер.

Нормальный разговор нормального дня, слышанный Брюнгильдой уже множество раз. И вдруг с ней что-то произошло.

Она не знала, отчего делает это, ибо не было у нее никаких помыслов или плана. Из этого «ничто» вырвалась безумная сила. Так, словно кто-то руководил ее рукой...

Она поднялась, мгновенно выхватила из хлеба на столе нож, левой, рукой оттянула кожу на лице и молниеносным жестом отрезала родинку над верхней губой. Волна ужаса пробежала по королевскому залу.

— Вот тебе, — выкрикнула она Гунтеру и бросила клочок кровавой кожи на его тарелку.

Брюнгильда так и стояла с ножом в руке, кровь стекала по ее подбородку прямо на платье.

Кто-то не спеша подошел к ней, чья-то рука уверенно обхватила запястье ее правой руки.

— Королева, — промолвил Хаген, — отдай мне нож.

Она вздрогнула и обернулась к нему. Он кивнул головой.

— Отдай мне нож...

И она просто разжала пальцы.

Хаген осторожно положил нож на стол, но все еще продолжал держать ее за руку-

— Вот и хорошо. А теперь я отведу королеву в ее покои, — спокойно произнес он.

Гунтер все еще смотрел на свою тарелку, на клочок окровавленной кожи.

— Нет, — прошептал он.

И покачал головой.

— Она сошла с ума.

Кто-то из слуг хотел убрать тарелку.

— Нет! — закричал Гунтер.

Арминий, не Зигфрид ли ты?

Ну, что ж, для нас не является секретом, что средневековые сказания о героях своими корнями уходят в почву реальной истории. Но напомним себе еще раз: и них не излагаются с научной достоверностью конкретные исторические события, в них никто не придерживается точной хронологии, здесь перемешаны реально происходившее и выдуманное, здесь соединяются воедино на первый взгляд несовместимые элементы истории. Имена и место действия — чаще всего единственные исторические указатели в героической поэзии: у королей бургундов, короля остготов Дитриха Бернского, его оруженосца Хильдебранда и царя гуннов Этцеля — у всех у них отыщутся ясно узнаваемые исторические прототипы эпохи германского переселения народов.

Но как быть с Зигфридом, главным персонажем многих скандинавских поэм и первой части «Песни о Нибелунгах»? Неужели королевский сын из Ксантена — чисто литературная фикция, мифический герой? Или он все же вполне реальный исторический персонаж? Ответы на все эти вопросы вот уже на протяжении 200 лет дают самые что ни на есть противоречивые. Может быть, еще и потому, что фикция, миф и история слишком тесно переплелись друг с другом?

Некоторые из исследователей искали ответ в Вальгалле германцев: пусть Зигфрид будет Одином, Тором или Фрейром. Другие ученые превращали его в «божество второго поколения» (Ф. Шредер), в богоподобного мифического героя первобытных времен. Да, действительно, у героев германской поэзии хватает богоподобных черт. Вследствие своих героических деяний, чудо-оружия и волшебных сил они становятся связующим звеном между людьми и сверхъестественным миром богов, великанов и эльфов. В чем-то они даже похожи на средневековых святых, которые в качестве избранников Божьих провозвещали истинное существование Бога. Так что можно сказать, что герои германцев — это языческие прототипы будущих христианских святых: Дитрих, Хильдебранд или Зигфрид, Зигурд или Хельги — все они обладают сверхъестественными возможностями и рано или поздно сообщаются с «иным» миром высших существ.

Целый ряд исследователей, и прежде всего германист Фридрих Панцер (1870–1956), обратил внимание на поразительное сходство истории Зигфрида и французских народных рассказов позднего Средневековья.

И все же, как насчет историчности образа Зигфрида? Ответ, кстати, лежит на поверхности: стоит только повнимательнее ознакомиться со сказочными приключениями Дитриха Бернского, уложившего целый батальон драконов и освободившего не одну деву. Поневоле на ум придет владыка остготов Теодерик (454–526). Миф и история ведь совсем не исключают друг друга. В жанрах средневековой поэзии они переплетаются, превращаясь в произведение искусства

высокого литературного качества.

И все же, что у нас там с Зигфридом? Поиск его реальных исторических прототипов может привести к довольно любопытным вариантам: его след можно обнаружить в эпохе Меровингов VI века. В 566 году франкский король Зигиберт I обручился с вестготской принцессой по имени... Брунихильда.

Но с тем же успехом мы можем обнаружить Зигфрида и среди германцев эпохи Римской империи. Тогда само собой напрашивается сравнение героического драконоборца Зигфрида с князем херусков Арминием, победителем римлян и «освободителем германцев». Зигфрид — Арминий, Арминий — Зигфрид — но правомочно ли будет подобное утверждение?

Обратимся за справкой к исследователям. Немецкий германист Адольф Гизебрехт в книге «О происхождении легенд о Зигфриде» в 1837 году проявил небывалый интерес к древним мифам. В эпоху после падения Наполеона (1813–1815) Арминий, или Германн Херуский, считался чуть ли не основателем немецкой нации. Каспар Давид Фридрих в 1812 году даже создает картину «Могила Арминия», Генрих Клейсг в 1840 году ставит на сцене драму «Битва германцев».

Через столетие после появления книги Гизебрехта его коллега-германист Отто Хефнер (1901–1987) пришел к аналогичному выводу: историческим прототипом Зигфрида был Арминий. Хефнер заметил, что именно в Ксантене был тот самый опорный пункт римских легионов, который непосредственно граничил с племенами херусков и был исходной точкой экспедиции римлян.

Согласно римским историкам Тациту, Кассию Дио и Патеркулию (19 до н. э. — 31 н. э.), имя Арминий чисто римское. Вряд ли князь херусков с самого начала носил его.

Из биографии Арминия, как мы уже упоминали, известно, что в молодые годы он был заложником и уже в Риме избрал путь военной карьеры. Приняв римское гражданство, он обрел и римское имя. Оно могло быть каким-то образом связано с его физическими данными или указывать на прохождение воинской службы в районах древней Армении (Арминий — «армянский»). Не секрет, что и сам император, и его офицеры после победных походов часто титуловали себя победителями того или иного народа: Германик как победитель германцев, Парфикус — победитель парфян.

Вопрос лишь в том, каким могло быть херуское имя Арминия. Нам остались только косвенные улики. Тацит упоминает имена близких родственников Арминия: его отец звался Зигмар, его тесть — Зегестий, а сын тестя — Зигмунд. Так не Зигфридом ли звался у себя на родине Арминий (или, по-старонемецки, Зегифрит)?

В сказаниях о Нибелунгах судьба Зигфрида тесно переплелась с сокровищами. Параллели с Арминием довольно очевидны. В битве с Варом херуски завоевали огромные богатства. Добычу разделили между вождями мятежа. Так, Тацит сообщает, что Зегестий в 15 году вернул римлянам свою долю сокровищ Вара.

140 лет тому назад неподалеку от Хильдехайма на Гальгенберге (гора Висельников) был обнаружен клад. Надписи на серебряных изделиях позволили ученым прийти к выводу, что речь идет о кладе эпохи Августа. Так, может, это была доля Арминия?

Борьба Зигфрида с драконом может пониматься как метафора некой важной победы. Например, победы над считавшимися непобедимыми римскими легионами.

Рим как злой, охраняющий несметные богатства и кажущийся непобедимым дракон? Думаете, перебор? А вы внимательнее взгляните в историю римских легионов: среди древнейших символов легионеров мы находим и символику дракона.

В скандинавских легендах называется место героической схватки с чудовищем: Гнитахайде. На карте Германии можно найти древнее местечко под названием Кнеттерхайде,

расположенное неподалеку от Падеборна, между Шетмаром и Бад-Зальцуфленом. Данная область не только относилась к старинным херуским поселениям, она расположена как раз в Тевтобургском лесу, который Тацит называет местом битвы германцев с Варом.

Теперь недурно бы нам обратиться к двум сюжетам скандинавского варианта сказания о Нибелунгах. В них присутствуют «гунский Зигурд» и Зигурд Хьертр.

В песнях «Эдды» герой во многих отрывках именуется «гунским Зигурдом». В норвежской «Саге о Вельзунгах» говорится, что предок Зигфрида Вельзунг был королем над землями Гунов. Где это? Помочь может англосакский историк Беда Венерабилий (673–735). Согласно его данным, «земли гунов» — это старое название... Вестфалии, области, принадлежавшей племенам херусков. Просто в более позднюю эпоху данное название было утрачено летописцами. Так, автор норвежской «Саги о Дитрихе» уже путает гунов с гуннами.

В настольной книге «скальдов всех времен и народов» исландца Снорри Стурлусона нам встречается, как вы помните, рассказ о Зигурде Хьертре — Зигурде-Олене. Олень? А ведь это уже интересно! Дело в том, что образ оленя довольно часто встречается в легендах о Зигурде-Зигфриде. В «Песне о Нибелунгах» смерть Зигфрида ассоциируется с охотой на благородное животное. В «Саге о Вельзунгах» в сне Брунгильды Зигурда-Оленя убивают дикие хищники. В «Саге о Дитрихе» о происхождении Зигурда говорится, что его вскормила олениха. В символике германцев олень играл особенную роль. Одно германское племя так и называлось на старонемецком — *hîruz*, «люди-олени», или... херуски.

Некоторые детали биографии Арминия известны нам из трудов римских историков. Лишенный в детском возрасте родины и родителей, юный херуск оказался в Риме. Его положение в войсках Вара даже раздражало его тестя Зегестия, который собирался разорвать брачные узы дочери Туснельды, жены Арминия. Именно Зегестий выдал Вару планы Арминия, однако тот не прислушался к словам доносчика.

Судьба Арминия, как и судьба Зигфрида, трагична. Зегестий выдает собственную беременную дочь римлянам. И сына для Арминия она родит уже в изгнании, в Равенне. Но интриги Зегестия на этом не заканчиваются. В 19 году Арминий одержал победу над маркоманнами. Вскоре после этого, как пишет Тацит, «он устремился к императорской власти и настроил против себя вольнолюбивых своих соотечественников. Он пал из-за предательства сородичей» («Анналы», II, 88). Тесть Арминия как раз и был инициатором убийства героя, зять казался ему слишком могущественным и опасным. Ничего не напоминает?

Для нас очевидны параллели с судьбой Зигфрида: Зигфрид тоже растет вдали от родителей и отечества. Именно семейство его супруги считает его триумфы и богатство угрозой собственному владычеству. Отрывок «Старшей песни о Зигурде» и «Песня о Нибелунгах» описывают несправедливое убийство героя. Как не вспомнить слова Тацита: судьбу Арминия «по сей день воспевают варварские племена». И уж мы-то с вами активно догадываемся, что это за песни...

Хаген заметил, что Брунгильда следит за ним.

Делала она это не очень умно. Хаген был в недоумении: чего она хочет? Может, желает узнать о нем правду? Да нет, не в этом дело. Брунгильда искала выход. Искала возможность убежать — и лучшей возможностью для побега посчитала его.

Да, это может стоить ему жизни. Но больше всего на свете он хочет стать такой возможностью для нее.

— Глупо, как же глупо, до чего же глупо, — прошептал Хаген.

Она ждала его, сгорая от нетерпения. Но почему он пришел так поздно? Он, истинный Непобедимый, он — герой? Она почти ненавидела его за то, что он пришел

так поздно.

— Ты ведь хотела поговорить со мной? — спросил он- глухо. — Так вот он я.

Она села на кровати и похлопала рукой, указывая ему, где он должен сесть. Детская непосредственность ее жеста поразила Хагена. Он осторожно присел.

— Можно взглянуть? — спросила она, сама не понимая, как осмеливается. И показала на прикрывающую глаз Хагена повязку.

Он невольно дернул головой.

— Что?

— Ауган. Глаз, — прошептала она.

— Ну, ладно, — неохотно уступил он и попытался снять повязку.

— Нет! — воскликнула она, — Ег! Я!

Он опустил покрытые шрамами руки. Повязка упала с глаза.

Веко опустилось на поврежденный глаз, шрам, давно уже побледневший, тянулся от брови к щеке. Уже давно он потерял глаз.

И она поцеловала его шрам.

Ее губы были мягкими и теплыми, а от его бороды пахло лесом. Он ответил на ее поцелуй с внезапной нежностью. Брюнгильда чувствовала, что перехитрила саму себя. Это ведь она выбрала его?

А он нежно погладил ее шрам над верхней губой.

— Болит? — спросил он. Она помотала головой. А он улыбнулся.

Никто не видел, как улыбается Хаген. Его улыбка была широкой и молодой, свободной и уверенной. Брюнгильда в восторге глядела на него.

Еще один след в истории — эпоха Меровингов

Были две женщины, роковые не только для Нибелунгов, но и для истории меровингского рода — Фредегонда и Брунгильда.

Соперницы были достойны друг друга по той энергичности, с которой обеим довелось то восходить к вершинам могущества, то низвергаться с этих вершин. Впрочем, жизнь они начинали совсем по-разному и по-разному ее закончили.

Я предлагаю вам перенестись в июньское утро 565 года, в Суассон. Двери баптистерия в храме распахнуты, крышка купели уже поднята, а все святыни уже освещены целым лесом длинных желтых свечей. Только нет короля Хильперика, который отправился на войну с саксами.

В его отсутствие королева Аудовера родила дочь, которую как раз в этот день должны были наречь Хильдевинтой. Радостный день, но королева пребывает в смятении: крестная мать, сестра короля, из-за недуга не сможет присутствовать на празднестве. Епископ ждет, а у младенца королевского рода нет крестной матери! Что делать?

Кажется, только служанка Аудоверы Фредегонда знает, как разрешить эту проблему. Она предлагает своей доверчивой госпоже самой окрестить ребенка, не затрудняя себя больше поисками крестной матери. «Ни одна госпожа при дворе не может равняться с тобой ни по положению, ни по происхождению. Кому же тогда держать маленькую Хильдевинту над святой купелью, как не тебе?»

И королева принимает предложение Фредегонды, совершенно позабыв о том, что крестный отец и крестная мать ребенка связаны между собой такими же кровными узами, как и его родители, и что мужчина не может взять в жены крестную мать своего ребенка.

Через месяц возвращается Хильперик и с легкой душой пользуется возможностью разорвать

брак: ведь Аудовера стала ему кумой и теперь не имеет права оставаться его супругой.

Впрочем, сей факт он не воспринимает как несчастье — Аудовера и так родила ему трех сыновей и дочь. Ее долг был исполнен, да и он уже пресытился ею. Через несколько дней королева с новорожденной дочерью, плача, покинет дворец в Суассоне и укроется в монастыре Ле-Ман. А Фредегонда поселится в покоях, где все еще было пропитано духом прежней королевы. Без зазрения совести королевская фаворитка присвоит себе ее наряды и украшения.

Торжество Фредегонды продлится около года. Но весной 566 года она терпит свое первое поражение.

Дело в том, что Зигиберт, брат Хильперика и по совместительству король Австразии, заключает очень выгодный брак. Он женится на дочери короля вестготов Атанагильда, владеющего всей Испанией. Прекрасную Брунгильду воспевали все бродячие певцы, причем упоминалась в песнях не только ее красота, но и сказочное богатство. Когда Хильперик узнал об этом, жало зависти пронзило его сердце. С тех пор он уже не находит себе покоя. И тоже отправляет послов за Пиренеи — просить в жены сестру Брунгильды, Гайлесвинту.

Фредегонда в ужасе. Ее стремительный взлет не принес ей друзей, лишь ненависть и зависть окружали ее. Она решает открыто выступить против Хильперика и начинает подыскивать мужчин из своего окружения, которые были бы с ней заодно и на чье молчание и преданность она могла бы положиться. Некоторым из них Фредегонда дает почувствовать свое расположение, но кто может быть уверен, что в самый опасный момент, когда встретятся старые собратья по оружию, верность вассалов не будет нарушена? Нет, поединок с открытым забралом невозможен... Фредегонде приходится уступить и ждать.

А сватовство Хильперика затягивается. Король вестготов Атанагильд не горит желанием видеть Хильперика своим зятем, ибо молва о нем оставляла желать лучшего. Но в это время умирает Хариберт, брат Хильперика и Зигиберта, правивший в Париже. Хильперик достается львиная часть его владений — Нормандия, Меж, Анжу, Лимож, Кверси, Бордо, Тулуза, Беарн, Бегор и Коммин. Теперь он становился могущественным правителем, с которым следует считаться. И Атанагильд берет с Хильперика клятву, что тот будет содержать королеву в любви и почете, а всех наложниц отошлет со двора. Хильперик согласен. В 567 году брак был заключен. В слезах Гайлесвинта отправляется в Суассон, чтобы стать женой Хильперика... и встретить свою судьбу.

Наутро после первой брачной ночи короля Хильперика придворные, а в их толпе и Фредегонда наблюдали за обрядом утреннего дарения (подарок мужа новобрачной в утро после свадьбы). Хильперик перечислял названия пяти городов, которые он отдавал Гайлесвинте (что на самом деле была суцья безделица).

Какое-то время Хильперик будет соблюдать обещание, данное королю вестготов, но потом интриги Фредегонды принесут свои плоды: Гайлесвинта наскучит королю. Молодая королева будет молить «длинноволосого короля», как именовали Меровингов, отпустить ее, — вдвоем они не будут счастливы. И король... отпустит. Только весьма своеобразным образом.

Посреди ночи в покои Гайлесвинты проскользнет человек-тень с кожаным ремнем в руках. Он склонится над королевой, хладнокровно, дьявольски ловко обовьет ее шею ремнем и что было сил стянет его...

Молва тут же начнет обвинять в убийстве самого Хильперика. А Фредегонда вернется ко двору неоспоримой хозяйкой и будет именовать себя новой королевой. Так был завязан узел смертельной ненависти и вражды между «длинноволосыми королями», несколько десятилетий влиявший на отношения между франкскими королевствами.

И в этот момент на сцену вступает Брунгильда.

Возмущенная гибелью сестры, королева Австразии Брунгильда решила отомстить за

Гайлесвинту. Но нормы кровной мести были уже смягчены обычным правом. При посредничестве третьего брата Меровинга, короля Гонтрана, в 569 году было созвано общенародное судебное собрание, постановившее, что в качестве пени за убийство Хильперика должен передать королеве Брунгильде как сестре Гайлесвинты пять городов в Аквитании: Бордо, Лимож, Каор, Беарн и Бигор.

«За человеческую жизнь платят городами и золотом?! — была возмущена Брунгильда. — Да смерть Хильперика и Фредегонды, вместе взятых, в полной мере не искупят смерти моей сестры!»

Среди неукротимого большинства своих земляков король Зигиберт славился исключительным спокойствием и самообладанием. Да и вообще имел репутацию добродетельного человека и любящего, верного мужа. Вместе с тем король понимал, что хоть он и был чересчур мирным и образованным человеком, но, очарованный женой, не устоит перед ее призывами к мести и поступит вопреки законам франков...

Тем более что вероломный Хильперик вовсе и не собирался соблюдать условия суда. Он решил вознаградить себя за территориальные потери, силой отобрав у Зигиберта другие южные города — Тур и Пуатье.

Разгневанный Зигиберт решил покончить с преступным братом. На его стороне было существенное военное преимущество: надежда на богатую добычу привлекла на его сторону ополчения многих языческих германских народов из-за Рейна.

Германские орды Зигиберта вихрем пронесли по захваченным землям. Теоберт, старший сын Хильперика, был убит в Шаранте, а король Хильперик и Фредегонда бежали до самой Нормандии и расположились в Турине, который был немедленно осажден войсками Зигиберта.

Сам Зигиберт отвез Брунгильду в Париж. Он завоевал королевство своего брата, оно принадлежало ему, и он хотел провести несколько дней в отдохновении от трудов праведных и забот во дворце, построенном императором Юлианом. А затем Зигиберт отправился в Витри-сюр-Скарп, где намеревался объявить себя властителем обоих королевств.

А вот в осажденном Турине обстановка была, прямо скажем, менее радостная. Фредегонда сгорала от ненависти, а Хильперик смирился со своей участью и ожидал гибели. Отныне он проводил большую часть времени в церкви, а не со своими воинами и был обеспокоен спасением своей души так, как будто смерть должна была наступить уже завтра. Между тем Фредегонде так хотелось жить...

Она не растеряется и найдет двух наемных убийц: «Я отдамся первому из вас, кто принесет мне меч, обагренный кровью Зигиберта».

С великим трудом наемники пробрались сквозь вражеское оцепление и, украв лодку, переплыли через Шельду. Им удалось украсть лошадей и на следующий день они достигли Витри, где праздновалось провозглашение Зигиберта королем Нейстрии (575). Меровинга посадили на щит, и на плечах своих вассалов он был трижды пронесен через город. Затем последовал торжественный пир.

Во время празднеств бдительность людей притупилась. Новоприбывших даже не обезоружили, ибо меч был повседневной принадлежностью одежды благородных франков. Наемники вошли к королю и опустили на колени. «Мы пришли сюда, повелитель, дабы подчиниться тебе и сражаться под твоими знаменами...» «Подойдите сюда, — промолвил Зигиберт, — и скажите мне свои имена».

Наемники подошли ближе — один слева, другой справа. Выхватили мечи из ножен и вонзили с обеих сторон в короля. Истекая кровью, с ужасным воплем тот рухнул на пол. Мечта Фредегонды сбылась.

Смерть Зигиберта посеяла панику среди его людей. Хильперик и Фредегонда победоносно

завладела Нейстрией, и их войска двинулись по направлению к Парижу.

Но Брунгильда так просто сдаваться не собиралась. Благодаря верным людям она укрывает в надежном месте малолетнего сына Хильдеберта, провозглашенного королем Австразии. А сама остается в Париже — достойно встретить свою участь.

Побежденная королева шла к трону через огромный зал с коринфскими колоннами. Она села на трон, гордая и безучастная, увенчанная короной, и принялась ожидать Фредегонду и смерть.

Но со смертью тоже можно поторговаться и заплатить ей выкуп.

Хильперик ничего на свете не любил так, как деньги: «Ты можешь заплатить подобающий выкуп, королева?» — «Три бочки золота». И Хильперик соглашается с предложением Брунгильды, несмотря на страшный гнев Фредегонды.

И тут случается невероятное. Сын Хильперика от Аудоверы, Меровея, влюбляется в прекрасную пленницу Брунгильду. Опасаясь за ее безопасность — коварство Фредегонды ему было известно не понаслышке, — он предлагает отцу отослать пленницу в Руан, к благочестивому епископу Пратекстату, управляющему городом. И Хильперик соглашается со старшим сыном.

С того дня Меровея не находит себе места в Париже. А затем все-таки решается отправиться в Руан, чтобы уговорить Брунгильду выйти за него замуж и уехать вместе с ним в Тур» где их непременно примет знаменитый епископ Григорий Турский.

И вновь Фредегонда кипит от гнева. Хильперик требует к ответу епископа. Но Григорий Турский не из тех людей, которыми можно легко помыкать. Хильперик вынужден был признать это, когда потребовал выдачи своего сына и его жены. «Это убежище святого Мартина в Туре неприкосновенно, — заявит епископ. — Никто не покидает его против своей воли».

Тогда коварный Хильперик смиренно (!) просит Турского хотя бы поговорить с Меровеем...

Король предпочел не расправляться с вдовой брата, он просто выслал Брунгильду в Австразию, где она стала регентшей при сыне. А вот Меровея был лишен прав наследства и брошен в темницу. Когда ему удалось бежать, он скитался. И через два года был убит слугами отца.

После смерти Меровея Фредегонда являет миру чудеса собственной жестокости и ненависти к людям, совершив целый ряд убийств. Она уничтожала всякого, кто был ей в тягость. Сперва младшего сына Хильперика Хлодвига, которого ему родила Аудовера. Он был обвинен в каком-то злодеянии (которого, конечно, не совершал), и его убили в тюрьме в Хеллесе, а тело бросили в Марну.

Но и этого ненасытной Фредегонде было недостаточно. Она возжелала смерти самой Аудоверы, которая уже несколько лет жила в монастыре в Ла-Манше. Бывшая королева была убита, но ее дочери удалось бежать. Леденящая жестокость, не так ли?

Следующей жертвой пала жена несчастного Хлодвига, которая была сожжена заживо.

Трудно остановиться, когда душа скована цепью страшных преступлений. Вот и Фредегонда остановиться уже не могла. Следующей ее жертвой стал епископ Пратекстат, приютивший когда-то Меровея и Брунгильду. На него напали в его собственной церкви и жестоко изранили, после чего его посетила «лучезарная Фредегонда».

Пратекстат собрал все оставшиеся силы и промолвил: «Ты будешь предана проклятию во всех грядущих поколениях, и правосудие Божье покарает тебя!»

Фредегонда не сказала больше ни слова, она стояла и ждала, когда умрет епископ. А Божье правосудие не заставило себя долго ждать и все же покарало королеву Нейстрии.

Друг за другом от оспы умерли ее сыновья. Несмотря на заботу врачей, спасти их не удалось. В живых остался лишь Хлотарь, которому было всего лишь несколько месяцев.

Злоба Фредегонды обернулась на Хильперика. Король подозревал королеву в измене с графом Парижа Ландрихом. Фредегонда опять ходила по лезвию ножа.

Сентябрь 584 года. Удачная королевская охота в округе Хеллеса. Король убил вепря и крайне воодушевлен своим «подвигом». Один из его людей предлагает его величеству кубок вина. В следующую ночь Хильперик скончался.

Отныне Фредегонда была единовластной правительницей королевства. Но радость опять оказалась недолгой.

Репутация у Фредегонды была такой, что ее сразу же стали подозревать в убийстве мужа. Возмущение было таковым, что ей вместе с четырехмесячным сыном пришлось укрываться в парижском соборе и просить о покровительстве деверя, Гонтрана Бургундского.

Осторожный и рассудительный Гонтран (за постоянное покровительство Церкви он был впоследствии канонизирован) прибыл в Париж и собрал совет из трех епископов и трехсот вельмож, чтобы признать законорожденность Хлотаря. После этого он берет мальчика под свою опеку, а Фредегонде не позволяет остаться в Париже, выслав в окрестности Руана. Выказывая скорбь по мужу, она сумела собрать армию и нанести поражение австразийским войскам.

Единственное, что так и осталось неизменным, — ее ненависть к Брунгильде. Она медленно умирает, но все равно продолжает ненавидеть. Тело Фредегонды было похоронено в старом аббатстве Сан-Винсент в Париже, которое вскоре после этого стало называться Сен-Жермен-де-Пре.

Смерть Фредегонды должна была бы свести на нет ненависть и вражду по отношению к Брунгильде. Но этого не случилось. Ее сын, Хлотарь, продолжил борьбу. Необузданный, коварный юноша, едва ли менее жестокий, чем его мать. Борьба между ним и Брунгильдой длилась целых семнадцать лет, до 613 года.

Вследствие предательства Брунгильда была пленена и доставлена к Хлотарю. А тот цинично предъявил ей длинный список «преступлений» — убийство десятка франкских королей, включая даже убийство ее мужа Зигиберта I, лежавшее на совести Фредегонды. В Ренев-сюр-Винжан разыгрался кровавый конец этой истории, который будет ужасать людей еще несколько столетий. Именно здесь Хлотарь даст волю своей немыслимой жестокости.

По его приказу шестидесятишестилетняя королева была отдана на растерзание палачам, ее пытали три дня. Это происходило в одном деревенском доме, к которому Хлотарь часто подходил, чтобы послушать, как его враг кричит от боли. На четвертый день, когда тело Брунгильды превратилось в сплошную рану, ее посадили на коня, и глумящееся войско осыпало ее всевозможными оскорблениями. От, той, что родилась на престоле, была дочерью, сестрой, супругой и матерью королевских особ и кому не было равных по красоте, осталось лишь месиво. Хлотарь и не подозревал, что в глазах потомков эта мучительная смерть будет казаться более ужасной, чем большинство злодеяний того времени.

Думаю, можно передохнуть. Похоже, мы с вами уже вволю насытились свидетельствами гнусной стороны истории человечества, в числе которых ключевая роль принадлежала коварным интригам и кровавым злодеяниям.

Кримхильда родила при черной луне. Сын ее появился в мир на рассвете. Кримхильда дико кричала. Повитуха боялась, что она не выживет, а если и уцелеет, не сможет родить еще.

Но она все вынесла. И самое главное, она родила сына.

— Вот он! — гордо кричал Зигфрид, демонстрируя младенца братьям-королям.

В ту же ночь при черной луне Брунгильда рассказала Хагену всю правду.

Начала рассказ с Зигфрида. Вернее, заговорила о своих ожиданиях — как

дождалась Непобедимого в своем надменном отчаянии. А потом — пустой корабль. А потом — встреча с Зигфридом. Свадьба, которая не была свадьбой. Быстрое прощание, странное путешествие. Свадьба, которая не должна была быть свадьбой.

— Сначала Гунтер пришел один.

Она рассказала о той маленькой битве, что выиграла в первую ночь после свадьбы.

Дальше Хаген все понял.

— Зигфрид? — спросил он совсем тихо, ничего не выражающим голосом.

Брюнгильда сморщилась.

— А потом — Гунтер, — прошептала она.

Хаген ни о чем не спрашивал ее. Он размышлял о том, как они должны умереть. Зигфрид и Гунтер, его король.

Рыцарская культура и Крестовые походы — следы эпохи Барбароссы

Итак, еще один виток нашей ленты времени. Посетим-ка мы для пущей ясности одну из прославленных эпох позднего Средневековья, воспетую в наиболее популярной в то время легенде о возвращении императора Фридриха I Барбароссы. Именно с ним были связаны надежды на спасение: спящий в горах Гарца император проснется однажды и спасет гибнущую страну.

На самом деле император утонул в реке во время третьего Крестового похода в 1190 году. Вероятно, именно поэтому его внезапная гибель показалась современникам чем-то крайне загадочным. В средневековой «Песне о Нибелунгах» эпохи 1200 года вполне могли сохраниться кое-какие отголоски воспоминаний об эпохе Барбароссы.

Рыцарская культура на тот момент времени достигла своего расцвета. Обычаи и ритуалы рыцарства отражались в поэзии и музыке, в стиле одежды, архитектуре и в оружейном искусстве. Проводилось огромное количество турниров. Вдохновляемые провансальской литературой, поэты XII века расцвечивали тексты правилами игры в придворную любовь, описанием добродетелей христианнейших рыцарей. Образ рыцаря начинает конкурировать с образами древних героев эпохи переселения народов.

Кто такой средневековый рыцарь? Воин на мощном боевом коне, в блестящих латах и с острым мечом? Такой стереотип, разумеется, не отражает и малой толики всех средневековых реалий. Рыцари XI и XII столетий на самом деле были до крайности проблемной группой. Их социальный взлет объяснялся единственно военными нуждами. И этот взлет приходится на первый Крестовый поход (1096–1099). «Из тех, кто был разбойником с больших дорог, родились истинные борцы за дело Христово», — заявлял французский летописец и участник Крестового похода Фульхерий Шартрский. В Святой земле создавались религиозные рыцарские ордена — тамплиеры, иоанниты, лазариты и Немецкий орден. Все это оказывало определенное влияние и на старушку Европу. Военские идеалы и религиозные добродетели были явлены в борьбе с неверными. «Deus lo vult» — «Так желает Господь» — эти слова стали боевым девизом рыцарей первого крестового похода.

«Песня о Нибелунгах» — это дитя эпохи Барбароссы. Старые сюжеты и мифы являют себя по-прежнему, но уже в придворных и христианских одеждах.

60 лет назад германист Фридрих Панцер выдвинул тезис, что прием королей бургундов в «Песне о Нибелунгах» маркграфом Рюдигером Бешеларским отражает реальные события: прием Барбароссы королем Венгрии Белой I в том несчастливом крестовом походе 1190 года.

Современные исследователи сравнивают с Зигфридом популярного английского короля

Ричарда Львиное Сердце (1157–1199). Заговор против Ричарда, устроенный отдаленными его родственниками, его слава героя и откуп ради освобождения из плена могли воодушевить создателей «Песни о Нибелунгах». Могли. Но вдохновили ли на самом деле? Вряд ли.

А вот с эпохой Барбароссы кое-что в «Песне...» и в самом деле связано. Автор «Нибелунгов» упоминает, что Этцель торжественно венчался с Кримхильдой в Вене. В эпоху «Песни...» как раз состоялась реальная свадьба удачливого крестоносца герцога Леопольда VI и Феодоры, внучки византийского императора Исаака II Ангела. Руководил церемонией в Вене 1203 года епископ Вольфгер из Пассау. В XII веке Вена была столицей могущественных герцогов австрийских из рода Бабенбергеров, став центром рыцарской культуры и литературы. Причем здесь гунны из «Песни...», спросите вы? Все дело в матери Леопольда— дочери венгерского короля Елене, в жилах которой текла и гуннская кровь.

Вальтер Фогельвайде, один из известнейших немецких поэтов той далекой эпохи, работал в Вене на Бабенбергеров. А еще служил тому самому епископу Пассау Вольфгеру, что связан и с «Песней о Нибелунгах».

Самое интересное, что коллега Вальтера Фогельвайде по поэтическому цеху Вольфрам фон Эшенбах в своем «Парсивале» не гнушается цитировать отрывки из «Песни о Нибелунгах».

Посвящение в рыцари, согласно старым героическим сюжетам, проявляется, в сущности, лишь в «смене декораций». Праздники, торжественные приемы и свадьбы тщательно описываются в «Песне о Нибелунгах», здесь перечисляются ткани и платья, украшения, блюда и напитки — все так напоминает эпоху Барбароссы. Именно в XII столетии через итальянские города Венецию, Пизу и Геную в Европу попадает огромное количество редких тканей и предметов роскоши, волнующих фантазию людей. Автор «Нибелунгов», описывая двойную свадьбу (одновременно женятся и Зигфрид, и король Гунтер) в Вормсе, упоминает дорогие шелка с Дальнего Востока. Поэт инсценирует старые мифологические сюжеты, обрядив героев в одежды современного рыцарского эпоса.

Любопытный момент. Супруга Барбароссы Беатрис происходила из королевства Бургундского. Летописец императорского семейства Отто Фрейзингский ведет ее род «из старого и славного рода бургундов». Помните, что в «Песне о Нибелунгах» Зигфрид женится на принцессе из бургундской королевской семьи, и венчаются они именно в Вормсе? В Вормсе же Беатрис венчается на царство; здесь чаще всего предпочитает бывать Барбаросса, а вслед за ним и его преемник Генрих VI.

И еще один факт. После внезапной кончины Генриха VI на императорский трон предьявляет права его младший брат Филипп. И именно в Вормсе он впервые наденет на себя императорскую корону. Описанная в «Кельнской королевской хронике» сцена на Троицу 1198 года сильно напоминает эпизод из «Жалобы», когда юный Гунтер, сын и наследник умерших бургундских королей, венчается в Вормсе на царство.

Ну, вот и все. Оставим же наших рыцарей в их позднем Средневековье. Нам пора дальше, в норвежские литературные пространства.

III

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Места действия

Атилла в Зосте — Нифлунги в «Саге о Дитрихе»

В конце XIII столетия в Норвегии увидела свет огромная поэма о герое Дитрихе Бернском (старонорвежское — Тхидрек аф Ёерн). Среди прочих историй рассказывалось и о героических деяниях Зигфрида и гибели Нифлунгов. Правда, в центре повествования находится все же биография самого Дитриха и его предков, того самого блистательного героя средневековой литературы, прототипом которого был король остготов Теодерик. Но поскольку упоминаются и гибель Нифлунгов, заговор против Зигфрида, Брунгильда и Атиллы, нам стоит более внимательно отнестись к «Саге о Дитрихе».

Этот огромный сказ начинается с описания предков богоподобного властителя. Его дед Самсон служил юным рыцарем у графа Роджеро Салернского. Славу себе он снискал своей огромной физической силой и рыцарским поведением.

Драматические события начались лишь тогда, когда Самсон встретил прекрасную Хильдисвид, юную дочь графа. Подобно Тристану и Изольде, влюбленные бежали из замка отца. Дочь при этом весьма практично прихватила и свои собственные драгоценности, и все сокровища графа. Когда же за ними была направлена погоня, Самсон расправился со всеми своими противниками, включая и графа Роджеро. Надо заметить, как ни печально, что гибель отца совершенно не смутила влюбленную в рыцаря девушку.

А вот для брата погибшего графа, короля Брунштайна, мысли о мести сделались сущим кошмаром, они преследовали его и днем и ночью. Однако непокорный рыцарь опередил мстительного графа: он осадил его крепость, убил хозяина ударом меча. Так рыцарь с супругой прибрали к рукам все царство Роджеро и Брунштайна, где рыцаря стали звать королем Салернским.

В браке с прекрасной Хильдисвид родилось два сына: Эрманрих и Дитмар. И пока сам Самсон завоевывал все новые города и королевства, его старший сын Эрманрих правил в Испании.

А вот младший чувствовал себя обделенным и потому плел заговоры против отца, призвав в союзники графа Эльзунга Бернского, в чью дочь Отильду был влюблен. В войне между Самсоном и Эльзунгом король Салернский одерживает победу, несмотря на ранение. А его враг погибает на поле боя; воины же Эльзунга сдаются.

Дитмар начинает править в Берне. С Отильдой они произвели на свет двух сыновей, Дитриха и Тетера, а также дочь по имени Изольда.

Действие саги разворачивается в Скандинавии, на Руси и на востоке Европы. Рассказывается о войнах, новых союзах и взлете гуннов. Путь Атиллы к власти и владычеству над Европой находится в центре повествования. Рюдигер Бешеларский возникает в саге в роли «дипломата» на службе у могущественного гунна.

До встречи с Атиллой молодой Дитрих переживает немало приключений при дворе своего отца. Верным его спутником становится оружейник Хильдебранд. Во время охоты в лесу они вылавливают гнома по имени Альфрек. В виде откупного гном предлагает им волшебный меч и огромные сокровища (!), хранители которых зовутся Хильдой и Гримом. Опять они, сокровища...

Больше всего о «Песне о Нибелунгах» нам напоминает эпизод борьбы Дитриха и Хильдебранда с хранительницей сокровищ Хильдой. Что это нам напоминает? Все верно — «дуэль» Брунгильды с Гунтером и Зигфридом. Когда Дитрих разрубает свою противницу надвое волшебным мечом, она... вновь вступает в бой. И только с третьей попытки героям удается одолеть «слабую» женщину.

Все возрастающая слава Дитриха приносит ему сплошные беды. В городе Зеегарде царствует знаменитая Брунгильда. Один из ее подданных по имени Дракон Хеймир отправляется на подвиги и вызывает на поединок Дитриха. А затем, проиграв, становится спутником Дитриха и другом (довольно редкий случай, кстати).

И вот объявляется он, Зигурд. Здесь его родителей зовут Зигмундом и Сисибой. Отец Сисибы — король Ни душ Испанский. Обманутый одним из своих вассалов, Зигмунд подозревает в неверности свою беременную жену, которую в наказание желает казнить в лесу. Пока два палача ссорятся меж собой, Сисиба у реки рождает сына Зигурда.

По сравнению с «Эддой» («Песня о Регине»), где королева находит дружеский прием при дворе короля Хьялпрека, в «Саге о Дитрихе» все исключительно драматично. Младенца уносит река, а Сисиба умирает от шока и ужаса.

Впоследствии Зигурда найдет кузнец Мимир и вырастит, словно родного сына; а вот брат Мимира, по имени Регин, в облике дракона сеет страх и ужас по всей земле. В более древних сказаниях, как мы помним, дракон этот звался Фафниром.

Мимир же становится учителем подрастающего Зигурда. И когда он понимает, что Зигурд и не думает становиться кузнецом, а собирается стать рыцарем, он подговаривает своего брата-дракона убить приемного сына. Добряк, нечего сказать...

Тем не менее Зигурду удастся уцелеть. Он сам побеждает дракона горящим поленом и, искупавшись в крови дракона, становится неуязвим. Мимир же теперь пытается добиться дружбы приемного сына, создав для героя меч Грамр и подарив жеребца Грани.

Но поскольку все средневековые герои, как правило, злопамятны и малотерпимы к подлости, Мимир все же прощается с жизнью. А владелец чудо-оружия Зигурд отправляется навстречу великим приключениям, в том числе и в крепость валькирии Брунгильды. Перед воротами ему сначала приходится одолеть семь стражей, после чего героя все же пропускают к госпоже. Она знает о его небывалых способностях и давно ожидает Зигурда. Герои обмениваются клятвой верности, и вот Зигурд уже вновь погоняет жеребца навстречу приключениям. Дорога его лежит ко двору короля Изунга, где он как раз и встречает героя Дитриха со свитой.

Добавим к этой компании короля Нифлунгов Гуннара и его сводного брата Хегни. К семейству также относятся королева-мать Ода (в «Песне о Нибелунгах» — Уте), младшие братья Герноз (Гернот) и Гизлер (Гизельхер), а также сестра Гримхильда (она же, как вы сами понимаете, Кримхильда). Примечательно то, что имена женщин Нифлунгов в норвежской «Саге о Дитрихе» полностью совпадают с именами «Песни о Нибелунгах» (Уте и Кримхильда), а не с более древними скандинавскими источниками, в которых мать звалась Гримхильдой, а дочь — Гудрун.

При дворе короля Изунга каждому из героев предстоит поединок с одиннадцатью сыновьями властителя. Мотив серийной дуэли известен еще из «Вальтария», латинского источника века. Король Нифлунгов после турнира приглашает всех героев в свои земли. Здесь события разворачиваются по уже известному сценарию: Зигурд знакомится с сестрой короля Гримхильдой и влюбляется. И великодушно предлагает Гуннару просить руки валькирии Брунгильды. Та чувствует себя вдвойне преданной и оскорбленной Зигурдом. И не только потому, что он нарушил клятву, нет, с помощью своих волшебных сил он вынуждает Брунгильду на брак с Гуннаром. Дурное настроение валькирии в день свадьбы, как водится, срывает на короле Нифлунгов, победив его в постельном поединке и повесив на крюк на стене — совсем как в «Песне о Нибелунгах».

Трижды терпит Гуннар позорное поражение, а затем обращается за помощью к Зигурду. Он же герой, он все может! Тот и в самом деле знает тайну Брунгильды: девственность придает ей

магические силы. В четвертую ночь Зигурд под прикрытием тьмы проникает в спальню валькирии и после впечатляющей схватки с Брунгильдой уносит ее драгоценное золотое кольцо. Чары нарушены, отныне Брунгильда лишь тень себя прежней. Но отчего-то гнев ее обращается не на мужчин, а на соперницу — Гримхильду.

«Сага о Дитрихе», рассказывая историю главного героя, повествует также и о разъедающих душу ненависти и зависти, царящих при дворе Нифлунгов. Но сбежим-ка мы ненадолго от этого семейства..

И вместе с Дитрихом появимся уже при дворе Атиллы в Зузате (Зосте), где нашего героя подружески принимают и Атилла, и его жена Хельхе. Вместе с Атиллой Дитрих участвует в походах против викингов и русичей. Здесь подробно описывается и город Новгород, в котором, как и в Зосте, с XIII века постоянно бывали ганзейские купцы.

И вот еще что прелюбопытно — умирает в саге жена Атиллы Хельхе, и Атилла решает взять себе новую спутницу жизни — прекрасную Гримхильду из страны Нифлунгов. Ох, забывает Атилла о предостережениях умирающей Хельхе, которая предрекает гибель гуннам из-за прекрасной вдовы Зигурда. Послы Атиллы направляются в Вернику (Вормс?), и Гуннар дает согласие на свадьбу сестры.

Через семь лет брака Гримхильда начинает свою страшную игру: она нашептывает Атилле о сокровищах Нифлунгов. И король гуннов решается на предательство: приглашает королей Нифлунгов на праздник в Зост. Несмотря на мольбы своей матери Оды и предостережения мудрого Хегни, король Гуннар соглашается. Там, где Рейн встречается с Дуной, могущественное войско Нифлунгов переправляется через реку.

Все остальные события полностью совпадают со сценарием «Песни о Нибелунгах». Вот только первым погибает король Гуннар, в самом начале битвы плененный гуннами и брошенный Атиллой в яму со змеями. Как видите, создатель саги внезапно вспомнил о популярном в Скандинавии сюжете из «Старшей песни об Атли».

Отчаявшиеся Нифлунги изо всех сил сопротивляются гуннам. И только благодаря вмешательству Дитриха — не забывайте, что это он — главный герой саги, — Атилла одерживает победу. Тут-то наступает жутковатый триумф Гримхильды. Чтобы наверняка убедиться, что оба ее младших брата действительно погибли, она приказывает затолкать им в рот по горящему полену. Такое поведение королевы — нерыцарское, скажем уж прямо, — возмущает Дитриха, и он получает от своего друга Атиллы разрешение казнить Гримхильду. Та умирает от меча Дитриха, а вот Хегни встречает смерть, весь израненный, на ложе в доме героя. При этом еще до своей гибели успеваает зачать сына. То есть род Нифлунгов будет продолжен.

Вот, собственно, и все о Нифлунгах-Нибелунгах в «Саге о Дитрихе». Любопытно другое. Создатель саги поясняет, что написал сагу «по рассказам немецких мужей, по песням их и беседам великих господ». Чуть позже он уточнит, что «немецкие мужи» были выходцами из Зоста. Надо сказать, что именно в Зосте проходили важнейшие торговые пути между Западом и Востоком.

Но каким образом в захолустный (пardon, конечно) Зост попадает великий Атилла? Гунны не оставили на территории Нижнего Рейна никаких исторических и археологических «отметин». Думаю, здесь важно иное — сходство названия «гунны» и старого, используемого еще англосакским летописцем Бедой наименования «земли Гунов» для данной же территории.

Именно в «Песнях о Зигурде» из «Старшей Эдды» слово «хунский» относят к месторождению Зигурда, а согласно «Песне о Нибелунгах», он родился в Ксантене.

А еще есть археологическая находка — брошь, найденная в женском захоронении в Зосте и датированная VI веком. По рунной надписи можно расшифровать имя — Аттала. Аттала (или Аттала) был сыном фризского князя VI века.

Ксантен — родина Зигфрида

Как уже выяснили, по данным «Песни о Нибелунгах», Зигфрид был родом из Ксантена с Нижнего Рейна. Там правил его отец. Оттуда юный королевский сын и отправился на поиски славы и приключений. Бывший военный лагерь римских легионеров, Ксантен еще сегодня считается образцом древнеримской архитектуры. В эпоху Арминия здесь были расквартированы целых два римских легиона.

Название города Ксантен происходит от латинского *ad Sanctos* — «у святых». Основан он был по приказу императора Августа в 12 году до н. э.

Наряду с Кельном и Триром Ксантен считался одним из самых значительных римских городов на границе римско-германских владений и даже был столицей провинции Нижняя Германия. Наличие в городе амфитеатра, акведука, форума, городских укреплений, ворот и храмов позволяет судить о том, что здесь вплоть до III века пышно процветала яркая городская жизнь по римскому образцу. В IV веке римский император приказывает соорудить в Ксантене первую христианскую церковь, так называемый *cella memoriae* для римских легионеров-христиан.

При более внимательном изучении распространения христианства в поле зрения вновь и вновь попадают римские легионеры. Среди первых мучеников христианской конфессии всегда было большое количество воинов, самыми известными из которых считались трибун Маврикий и его феванский легион. По церковным данным, легион Маврикия стационарировался в Агаунуме (сегодня Санкт-Мориц в Швейцарии). По приказу императора Максимиана в конце III века почти все были казнены. Вернее, каждому десятому солдату отрубали голову за приверженность христианской вере. Легенда середины V века рассказывает о том, что легион стал жертвой кровавого культа императора.

Уцелевшие же легионеры, согласно более поздним сказаниям, основали первую христианскую общину в прирейнской Германии: святой Кассий и святой Флорентий в Бонне, святой Гереон в Кельне и святой Виктор в Ксантене.

Ксантенская легенда рассказывает о казни Виктора и 330 его спутников во время преследования христиан в эпоху императора Диоклетиана. Возможно, рассказ франкского летописца Григория Турского (539–590) как раз и опирается на ксантенскую легенду, когда летописец рассказывает, что кельнский епископ Эверигисил велел в честь этого святого воздвигнуть церковь при Бертуне (Биртене?).

Первые же свидетельства о культе св. Виктора в Ксантене относятся к эпохе Каролингов, когда была выстроена церковь в честь этого святого. В названии города *ad Sanctos* (а так он называется с 840 года) отразилось почитание Виктора и его спутников. Что, собственно, уже не просто легенда: в окрестностях Ксантена есть христианское поле захоронений IV–VIII веков, разросшееся подле могил святых мучеников — *ad Sanctos*.

В эпоху «Песни о Нибелунгах» Ксантен был «среднестатистическим» городским и церковным центром на Нижнем Рейне, находясь в тени славы таких городов, как Кельн и Майнц.

Тогда почему создатель «Песни о Нибелунгах» именно Ксантен определил на роль родины Зигфрида?

Ну, во-первых, ранние приключения юного героя разворачивались на скандинавских просторах. А область Нижнего Рейна была традиционно связана торговыми отношениями с северными центрами на Балтийском и Северном морях. Купцы доставляли не только товары, но и культурные сведения. Вполне возможно, что южно-немецкий автор Нибелунгов по крайней

мере отчасти был знаком со старинными песнями «Эдды».

А может, оказала свое влияние традиция и святого Виктора. Имя Виктор в переводе с латыни «победитель». Средневековые его изображения представляют святого молодым рыцарем с мечом и копьем, а в целом ряде случаев даже драконоборцем. В XIII веке популярный культ Виктора мог повлиять на творчество автора «Нибелунгов».

И вот еще что. Среди нижнерейнских городов именно Ксантен был наделен одной мифической особенностью. В VI и VII веках именно развалины *Ulpia Traiana* (так изначально назывался Ксантен) были упомянуты историками как «франкская Троя». Рейнские франки в V веке покончили с римским владычеством на Нижнем

Рейне и завладели римскими городами. Отчего-то они считали, что их город был воздвигнут семьями уцелевших когда-то троянцев.

Играли на аналогичности названий: Троя — Траян. Еще в X столетии в местных документах и на монетах можно было обнаружить следующую надпись: «Troia sive Xantum». Также в старонемецкой «Песне лет», бытовавшей в кельнских землях, Ксантен известен как «маленькая Троя». Так что эта связь с мифическими персонажами «Илиады» вполне могла послужить основанием для того, чтобы образованный автор «Песни о Нибелунгах» местом рождения своего героя избрал Ксантен. Ссылки на античную Трою при этом, на ее славу в средневековом мире служат указателем еще на одного из главных персонажей «Нибелунгов» — Хагена.

Тронеж — откуда родом Хаген?

Хаген, вероятно, самая «темная лошадка» сказаний о Нибелунгах. Нет ему никаких объяснений ни в немецкой, ни в скандинавской истории. Он появляется то как брат, то как сводный родственник, бургундского королевского рода. Однако имя его не отыскать ни в одном историческом источнике. Также неясно и его географическое и генеалогическое происхождение.

В «Песне о Вальтари», написанной на латыни в X веке, он появляется как *Haganu veniens de germine Troiae* («Хаген из рода Трои»). В более поздней редакции «Песни о Нибелунгах» он уже Хаген Тронежский. Норвежская «Сага о Дитрихе» лучше сохранила первоначальное латинское имя героя, потому что там мрачный герой зовется «Хегни (Хаугни) из Трои».

Этимология имени Хаген корнями уходит к германскому «хаг», то есть «заповедный». А следовательно, имя Хаген может также означать «оградитель» или «защитник». Собственно, такова и есть его роль в сказаниях о Нибелунгах. Старонемецкое слово *hagan* означает «терновник» (*hagan paliurus*), что обыгрывается в «Песне о Вальтари», когда Хагена называют «терновником с зелеными листьями» и «терновым Хагеном».

Происхождение Хагена от троянцев связывает его с одной стороны, с популярной мифологической традицией, а с другой — со средневековыми представлениями о власти. Такие города, как Трир, и такие знатные семейства, как Гвельфы, еще в позднее Средневековье «вели свое происхождение» от троянцев.

Вот только автор «Песни о Нибелунгах» не придерживается троянского мифа. В различных редакциях песни место происхождения Хагена обыгрывается то как Тронин, то как Тронье, то как Тронеж. В поисках реальной исторической родины Хагена мы обнаруживаем в Бельгии городок Дронжен (средневековый Троншье).

Норвежские исследователи, в свою очередь, видят в Хагене Тронежском распространенное имя Хакон и считают, что происходил он из средневекового центра Трондхайма.

Другие ученые в старонемецком Тронеже видят древнее название *Ulpia Traiana*, недалеко от нынешнего Ксантена. Так неужели Хаген — родом с Нижнего Рейна? Может, еще и этим можно объяснить соперничество Хагена и Зигфрида?

Если же вспомнить, что мы примерили на Зигфрида роль Арминия, то тогда и вовсе весело выходит. Хаген, стало быть, тогда играет роль того самого Зегесгия, тестя Арминия, предавшего римлянам своего удачливого зятя. Вот так-так...

Но что все же связано с этим Тронежцем? Если поискать по крепостям в долине Рейна, то без особого труда обнаруживается замок Дронекен на Мозеле. А кроме него еще встречается нам на пути также эльзасское местечко Кирххайм, в Средние века совсем как Ксантен именовавшееся *poa Troia* («новая Троя») или Тронья. Уж не здесь ли господствовал Хаген?

Теперь дальше. Если порыться в старых запыленных документах Метца и Алзея, прелюбопытные вещи выясняются. В старинном лотарингском «городишке» Метце обитало могущественное семейство, бывшее вассалами епископа Вормского. В 1196 году Вольмар фон Метц упоминается даже в документах императора Генриха VI. Все это отчасти позволяет реконструировать взаимоотношения меж родом Хагена, городом Вормсом и королевским домом.

Крепость Алзей находится всего лишь в 22 километрах северо-западнее Вормса. Хозяева крепости были преданными вассалами рейнского пфальцграфа. А отдельные представители разветвленного рода даже сделали графами при императоре Отто IV (1175/1176—1218).

Звались эти хозяева крепости Хьюго Вормский (1186—1216) и Рюдигер фон Хагенау (1158—

1205). Хьюго преданно и верно присматривал за местечком Лоххаймом, находившимся во власти короля Генриха VI. То есть за тем самым местом, где Хаген бросил в Рейн сокровища Нибелунгов. А Рюдигер фон Хагенау был управляющим императора в Эльзасе.

Ну, что вы на это скажете?

Столица бургундских королей — Вормс

Здесь с Нибелунгами сталкиваешься на каждом шагу: пирожки-«сокровища» в вормских кафе или компьютерные игрушки для школьников под названием «Драконья горячка». В память о Рихарде Вагнере в 1912 году был построен Концертный зал Нибелунгов в Кенигсвинтере и зоопарк рептилий с собственной пещерой дракона. В замке Драхенбург («Крепость Дракона») в Кенигсвинтере рыцарский зал украшают гобелены со сценами из сказаний о Нибелунгах. Художник Франк Кирбах сотворил их еще в 1882 году.

И действительно, большая часть «Песни о Нибелунгах» и «Жалобы» разыгрывается в Вормсе и его ближайших окрестностях. Раннесредневековые исторические источники передают имена бургундских королей-братьев — Гундахара, Гизлахара и Гундомара, которые в V веке основали государство бургундов на Рейне севернее территории алеманов. Правда, о самом Вормсе при этом не упоминается, хотя поселение было отлично известно римским историкам в эпоху заката империи.

Вормский миф о Нибелунгах основывается единственно на упоминании города-епископства в «Песне о Нибелунгах». В раннем «Эпосе о Валь- тарии» город тоже назван столицей короля Гунтера, хотя в данном случае его считают франком, а не бургундом.

Название Вормс происходит от кельтского поселения Борбетомагус, основанного еще в доримские времена. Издавна данное место было пунктом, в котором сходились кельтские, германские и римские интересы. Цезарь в середине I века до н. э. победил германское племя вангионов, взяв их столицу Борбетомагус. В эпоху расцвета Римской империи Вормс стал римским провинциальным городом, жители которого получили права римских граждан, правда, с определенными ограничениями.

Только в середине III века, когда алеманы овладели территорией вдоль Рейна, Вормс приобрел более значимый статус — военный. Город был перестроен в пограничную крепость, защищающую от наплыва германских «варваров»; римские легионы охраняли его романизованное население. После падения римского владычества на территории вдоль Рейна на незначительное время землями справа и слева реки овладели бургунды. Был ли столицей их государства и в самом деле Вормс, точно сейчас неизвестно.

Как бы там ни было, Вормс всегда привлекал германских владык. Так, баварские герцоги в V веке избрали старый римский замок Регенсбург своей новой столицей; возможно, точно так же мыслили и бургунды? После их поражения в битве с Аэцием здесь обосновались алеманы, но уже в конце V столетия они уступили владычество франкскому королю Хлодвигу.

С 600 года в Вормсе «воцарился» епископат. Каролингские владыки неоднократно появлялись в Вормсе. Король Генрих IV нашел поддержку именно у вормских граждан, когда многие князья и епископы отвернулись от него, проклятого Римским Папой.

В эпоху создания «Песни о Нибелунгах» в Вормсе заседал городской совет, деливший власть с епископом и королем. С Вормсом не по своей воле оказался в 1193 году связан и английский король Ричард Львиное Сердце, так что в некоторых исследованиях даже пытались сравнить прибытие Зигфрида к королевскому двору в Вормсе с пребыванием в тех краях короля Ричарда.

При этом, разумеется, аргументированно утверждалось, что в средневековой литературе все без исключения старые сюжеты легко обрастали более современными подробностями и актуализировались. Допустим.

И что тогда у нас там за история с английским королем складывается? А история складывается такая. Летом 1190 года Ричард вместе с королем Франции Филиппом II

отправился в третий крестовый поход. Дальше все развивается очень стремительно. В Мессине он освобождает свою сестру Иоанну из рук сицилийской знати, уже тогда напоминавшей мафию дона Карлеоне. Кипр и Анкона капитулируют перед союзом англо-французского оружия. Могущественный Саладин отступает пред армией крестоносцев. Ура!

Но вот досадное обстоятельство. В Акконе Ричард оскорбил австрийского герцога Леопольда V, чем и спровоцировал последующие интриги против себя. Возвращаясь из Аккона, король высадился в Венеции, избегая появляться на сицилийской и французской территориях. И хотя он путешествовал с небольшой свитой инкогнито, его узнали на пути через Альпы и выдали герцогу австрийскому. С одобрения императора Священной Римской империи Генриха VI Леопольд V задержал английского короля в крепости Дюрнштайн.

А в марте 1193 года Ричарда выслали в Шпейер в руки германских владык, после чего Генрих и Леопольд потребовали у Англии выкуп в размере ста тысяч марок серебром. В Вормсе как раз и договаривались о размерах выкупа. В конце концов двести английских дворян были переданы в заложники, и освободили их только после полного получения откупных.

Для европейской знати эти события были светским деликатесом, изысканной пищей для разговоров. Причем подавали ее еще несколько десятилетий. Летописцы, художники и поэты без устали описывали жизнь Ричарда Львиное Сердце в заточении. Автор «Нибелунгов» тоже не избежал обращения к столь актуальной теме. Кто ж откажется усмотреть в событиях современности материал для создания легенд? И невероятная сумма выкупа, соответствующая 23 тоннам серебра, вновь пробуждала фантазии о сокровищах Нибелунгов.

Когда создатель «Песни...» описывает размеры сокровищ, он упоминает поначалу сто телег. Позднее в Вормс четыре дня добираются эти сокровища уже в 12 обозах по 9 телег в каждом. То есть это число полностью соответствует сумме выкупа за английского короля.

Ослепительный герой Ричард напоминает современникам Зигфрида. Несчастливый же брак Гунтера с Брунгильдой имел свои параллели в браке Генриха VI с Констанцией Сицилийской, наследницей трона, бывшей на двенадцать лет старше своего супруга. Да и гибель Ричарда в 1199 году во Франции могла послужить толчком для полета творческой фантазии автора «Нибелунгов».

Вормская традиция Нибелунгов подпитывается различными источниками. Благодаря части выкупа за Ричарда Львиное Сердце император Генрих VI обновил вормские городские укрепления. Описываемое в «Песне...» строительство города во множестве деталей соответствует тому, что реально творилось в городе.

Заметим, что в Вормсе в центре событий — реальных и легендарных — всегда был собор. На лестнице собора в «Песне...» ссорятся между собой королевы. Здесь же приносит клятву Зигфрид. И именно в соборе император Фридрих Барбаросса даровал гражданам Вормса в 1184 году их привилегии на свободы от власти епископа, взяв город под свою высочайшую опеку.

А теперь отправляемся по пути дальше, в земли, где погиб Зигфрид.

Немецких краеведов и современных искателей сокровищ не только Вормс сводит с ума. В «Песне о Нибелунгах» упоминается Оденвальд (в строфе 919): близость к Вормсу надула на Оденвальд в предпоследнее столетие самую что ни на есть нибелунгскую горячку. И то, что в данном случае копья ломали за весьма сомнительную честь зваться «местом убийства», никого почему-то не смущало. Образцов для подражания уже и так хватало: город Лютера Виттенбург, город Роберта Шумана Цвикау, город фарфора Мейсен, город Нибелунгов — Вормс. Сегодня, как вы понимаете, все это входит в моду.

Подобные феномены случались и в Средневековье. Монастыри и города с X века открыто конкурировали за знаменитые святыни и реликвии. А наживались на средневековой форме «массового туризма» — паломничестве к святым местам. Бизнес на пилигримах процветал в огромном количестве мест обворовывали, обманывали, выставляли на продажу святыне останки, да мало что еще...

Король Генрих I угрожал своему «коллеге» Рудольфу II Бургундскому войной, желая завладеть святым копьем. После падения Милана новый кельнский архиепископ Филипп Гайнсберг по заказу Барбароссы препроводил в Кельн бесценные мощи трос святых волхвов-царей, где те по сию пору и находятся.

В XI столетии регенсбургский монах Отлох создал новое жизнеописание святого Дионисия, первого епископа Парижа и священного патрона французских королей. В этом жизнеописании монах утверждал, что кости Дионисия следует перенести из аббатства Сен-Дени Парижа в Регенсбургский монастырь Святого Эммерама. Зачем? А чтобы привлечь паломников. Бизнес есть бизнес, как же иначе?

Что и говорить — даже «литературное убийство» Зигфрида Хагеном тоже оказалось неплохой статьей дохода. В ранних редакциях сказаний о Нибелунгах Зигфрид умирает то в супружеской постели, то перед покоями своей жены Кримхильды, то на выезде на суд. «Песня о Нибелунгах» инсценирует смерть героя на охоте.

Напомню на всякий случай: в Вормсе Брунгильда мечтает о мести Зигфриду после того, как узнает о том, кто в действительности помог Гунтеру «сосватать» ее. В Хагене она находит верного помощника. Да и Гунтер согласен с женой, одобряя смертельный заговор.

Всех при этом интересует место кровавого происшествия.

Местечко Гразелленбах, 1844 год. Тайный придворный советник, доктор Иоганн Фридрих Кнапп из Дармштадта, бродит неподалеку от деревушки Гразелленбах. У подножка горы он находит маленький ручей, а рядом с ним — старый каменный крест. Каменные кресты эпохи Средневековья во многих местах были немой подтверждением какого-либо серьезного преступления. Знарок литературы, господин Кнапп решил, что на этом самом месте был убит Зигфрид. И созвал комиссию экспертов, дабы те проверили справедливость его «подозрений».

Некто по фамилии Бальтц из соседнего местечка был того же мнения: «Старики говорят, что слышали от своих дедов, что известный всем Зигфрид остановился испить воды из источника и в тот момент был убит своим шурином; поэтому ручей зовут Зигфридовым источником».

К нему присоединил свой голос бургомистр маленького прихода Аффолтербаха: «Источник у Гразелленбаха испокон веков назывался Зигфридовым ручьем, потому что, по легенде, именно здесь рыцарь Хаген убил рыцаря Зигфрида».

Комиссия тут же поняла: поиск «места преступления» завершен. Источник «облагородили», а рядом установили неоготический каменный крест с цитатой из «Песни о Нибелунгах». Новое

место «нибелунгского» паломничества в 1851 году не осталось без внимания прессы. Сегодня и вообще у прихода появился свой сайт с гордым Названием «Город Нибелунгов в земле Нибелунгов»,

В нескольких километрах далее расположена деревенька Хильтерсклинген. Она великодушно делится с Гразелленбахом и, другими соседями туристической территорией «земли Нибелунгов». Уже в записях монастыря Лорша конца VIII века здешний источник упоминается под названием Липовый ручей. В «Песне о Нибелунгах» упоминается липа, в тени которой и произошло преступление— убийство Зигфрида.

Нас же с вами интересуют два других местечка, оспаривающих сомнительную честь зваться местом предступления: Хеппенхайм и Оденхайм. В Хеппенхайме уже с незапамятных веков бьет из-под земли Зигфридов источник. Местечко это с эпохи раннего Средневековья относилось к охотничьим угодьям Лоршского аббатства. Более того, у Хеппенхайма протекает Вешниц. Об этом притоке Рейна упоминается в «Песне о Нибелунгах».

Что касается Оденхайма, так не он ли назван местом преступления в самой «Песне — Отенхайм? Местечко это упоминается и в лоршских документах 769 года. В начале XII столетия графы Лауффенские основали собственный монастырь в Оденхайме при поддержке бенедиктинцев из Хирсау. Экономический расцвет монастыря совпадает со временем возникновения «Песни о Нибелунгах».

Загадки, загадки, загадки...

Яродился в полнолуние. Но Хагена четыре дня не было видно у Брюнгильды. Когда же он пришел, она держала младенца на коленях и была очень бледна. Да и Хаген выглядел измученным.

— Я должен рассказать тебе правду, — промолвил он, подарив улыбку спящему сыну.

Все было не так просто, как он думал.

— Правду, — повторил он едва слышно. А потом сказал: — Я казнил его.

Брюнгильда в ужасе закрыла глаза.

— Зигфрид, идем же, — позвал он его в лесу на охоте.

— Куда? — отчего-то испуганно спросил Ксантенец.

— Искать воду, — невозмутимо ответил Хаген. — Не бойся, ничего не случится.

Лес сгущался, страх затопил душу Зигфрида.

Где-то трещали в ветвях сороки, а вот иные птицы молчали. Тишина больше говорила, нежели слова.

— Куда мы идем, Хаген? — слабым голосом спросил Зигфрид.

— Еще немного отойдем, и все, — ответил Хаген.

Но Зигфрид замер. Неподалеку журчал ручей. Хаген пожал плечами.

— Ладно, пусть здесь все и произойдет, — произнес он негромко и перехватил копьё. Не было более маски, не было больше лжи.

— Нет, — прошептал Зигфрид, — Пожалуйста, нет.

Хагену было мерзко. Он чувствовал, что делает что-то не так. И при этом только такую казнь заслуживал Зигфрид.

— Почему? — спросил Зигфрид и опустился на колени. Он не понимал. Его голубые глаза выглядывали что-то в лице Хагеца.

— Я же ничего не сделал, — прошептал он, сам веря в этот момент своим словам. Он так сильно верил, что даже Хаген заколебался на мгновение. И именно в эту секунду Зигфрид бросился на Хагена.

Но Хаген был Непобедимым. И привычка победила все. Даже Зигфрида. Хаген просто заколол его.

Он стоял над умирающим Зигфридом и ждал. А потом пошел навстречу другим охотникам и сказал им:

— Мы можем возвращаться.

Но это было неправдой. Никто не может вернуться в прошлое. Не смог и он.

Власть мифа

Ужасная гибель Нибелунгов при дворе гунна Этцеля, трагичность отдельных судеб героев и несчастливый финал «Песни...» взволновали публику XIII века. Королевские дворы мечтали заполучить собственные копии «Песни о Нибелунгах». В Пассау и Лорше всюду трудились копиисты. И не просто усердно переписывали текст, а что-то добавляли от себя, присовокупляли определенные версии.

В ходу было не просто чтение, а выразительное исполнение отдельных отрывков о Зигфриде и Хагене, о мести Кримхильды и т. д. Так называемый бродячий актер Марнер распевал при дворах песни о короле Ротере, Дитрихе Бернском, о смерти Зигфрида и сокровищах Нибелунгов. А его коллега Хьюго Тримберг (1230–1313) любил рассказывать слушателям о поединке Зигфрида с драконом, сокровищах и убийстве героя.

Вот в эту-то эпоху один регенсбургский переписчик и решает слегка подкорректировать несколько «нетактичное» поведение Кримхильды. Свое творение он назовет «Кудрун» (она же Кримхильда). В результате изначальные сюжеты «Песни...» отойдут на задний план: здесь Кудрун — примерная супруга Хертвига. Она — символ придворных добродетелей, великодушия и безмерного послушания. Ее противник, Хартмут, — совсем иной, чем мрачный Хаген, — тоже «интегрирован» в придворную рыцарскую жизнь.

В позднее Средневековье публика возлюбит все цветистое и экзотическое. При дворах знати будут курсировать большие собрания приключений: в них без разбора рассказывалось и о короле Артуре, Ротере и Вальтере, Саладине и Зигфриде. Подобные книги под названием «Венец приключений» (Генрих фон дер Тюрлин, 1220) или «Книга приключений» (Ульрих Фуэтрер, 1475) стали зеркальным отражением придворных вкусов на исходе Средневековья.

Австрийский монах-доминиканец в 1350 году писал в летописи своего родного монастыря в Леобене о появлении Атиллы на западе и о Папе Льве. По легенде, мудрый Папа в V веке удержал кровожадного гунна от разорения беззащитного града Рима. Но не это важно. Доминиканец из Леобена сообщает, что с Атиллою на Рим шли... великаны, а среди них Дитрих Бернский, оружейник Хильдебранд, Рюдигер Пехларн, Хаген и другие. В «Хронике мира» Генриха Мюнхенского (XIV век) Нибелунги и их гибель при дворе властителя гуннов описываются уже как исторический факт эпохи переселения народов. Граница между историей и литературой стерта.

К фольклорным переработкам сюжета можно отнести баварский эпос «Сад роз» 1260 года. Идиллия вормского сада роз, места мирной семейной жизни Кримхильды и Зигфрида, обуславливает «хэппи-энд» — здесь Зигфрид остается цел и невредим.

Вообще, Нибелунги были настолько популярны в Средние века, что даже такой серьезный францисканец, как Бертольд Регенсбургский, в 1270 году цитировал «Песню...» в своих проповедях.

В 1488 году император Фридрих III (1415–1493) во время своего визита в Вормс пожелал увидеть останки знаменитого великана Зигфрида, чье копьё было выставлено в Вормском соборе чуть ли не как объект культового поклонения. Как исполнили жители Вормса оригинальное требование императора, ни в одном историческом источнике не упоминается. Однако вплоть до XVII века на старой ратуше Вормса сохранялась фреска, на которой Фридрих был изображен в компании с Зигфридом, драконом и королями бургундов. Неплохая, в общем, компания...

И вот однажды в 1527 году в Нюрнберге появляется «Песня о покрытом чешуей Зигфриде». Это компиляция фольклорных и литературных отрывков сказаний о Нибелунгах. В центре

внимания все экзотическое: битва с драконами, дева Брунгильда и ее соперница, прекрасная Кримхильда. А первоначальные сюжеты из «Эдды» уже исчезли без следа.

Судите сами. В поисках приключений Зигфрид встречает в лесу угольщика, несчастье которого заключается в том, что он обязан постоянно подкармливать пылающими углями не в меру прожорливого дракона. Зигфрид, как истинный герой, всегда готов помочь, а потому вызывает чудовище на бой и, естественно, побеждает. Драконью чешую он расплавляет в костре и обливается этим драконьим отваром с ног до головы. Укрепив таким волшебным образом свои силы, он отправляется навстречу следующему подвигу в Вурмсе, ко двору короля Гибикса, у которого имеются трое сыновей и дочь Кримхильда. Она-то, бедняжка, и похищена. Кем? Другим ужасным драконом, который каждые два дня превращается в человека и в таком виде умыкает в свою неблагоустроенную пещеру невезучих принцесс. Спасение девушки— дело чести для Зигфрида, вкусившего уже не одно драконье сердце. Вот только в данном случае ему крайне важно заручиться поддержкой гнома-колдуна. От него-то и узнает герой, что ключ от темницы Кримхильды находится в руках весьма невоспитанного великана, которого герой сможет одолеть лишь благодаря плащу-невидимке. В финальной сцене «шоу» на сцене внезапно появляется не только дракон-похититель, но и шестьдесят его более мелких помощников, и всех их Зигфриду придется лишить их рептильей жизни. Поистине сказочно!

Выбор подобных эпизодов яснее ясного свидетельствует об интересах читателей того времени: они тянутся ко всему сказочному, захватывающему и увлекательному. Трагическое, серьезное и поучительное в этом виде литературы не находит места.

Нюрнбергский башмачник и майстерзингер Ганс Сакс переработал данный сюжет в середине XVI века в театральную пьесу «Зефрит, сын короля Зигмунда в Нидерландах» (1557). Распечатки этого текста курсировали во многих немецких городах на ярмарке. А в начале XVII века был даже сделан перевод пьесы на чешский язык.

Город Вормс в эти века так и остается центром нибелунгских легенд. Франкфуртские книготорговцы в 1600 году продали туда свыше 20 экземпляров «Покрытого чешуей Зефрида». По тем временам просто колоссальный тираж! Вормский ученый, ректор Фридрих Цорн как раз в 1600 году благородно негодовал по поводу всей той чепухи, что «сочинена об этом Зейфриде, его копье и мече».

Но и это не все. Сюжеты о Нибелунгах, пусть и в состоянии, изменившемся до неприличного, благополучно и закономерно докочевали до века XVIII-го и ворвались в эпоху барокко. В 1726 году появляется «Народная книга о покрытом чешуей Зигфриде» в прозе! Написанная в стиле плутовского романа (так же как и «Герцог Эрнст», «Фауст», «Уленшпигель»), она повествует о битвах Нибелунгов. Простенько и со вкусом.

На этом триумфальное шествие Нибелунгов по эпохам и столетиям вовсе не завершается. Впереди у нас еще целая страница истории, исполненная драматизма столь же вопиющего, как и сама легенда. Итак, заходим на последний виток нашей ленты времени.

Верность до самой смерти: эпоха мировых войн

Картина гибели мифических Нибелунгов в любую эпоху истолковывалась по-своему. В XIII веке бурно реагировали на «Жалобу» Мастера Конрада с христианизированной интерпретацией событий. В свою очередь, в конце XIX века судьба Нибелунгов, как вы уже догадываетесь, символизировала немецкий национальный вопрос.

Прусско-французская война 1870–1871 годов позволила наконец позабыть об унижительном поражении, которое нанес Пруссии Наполеон. Прусский рейхсканцлер Отто Бисмарк в 1871 году основал Второй рейх. В результате этих исторических событий возникло новое самосознание немцев, в основу которого положено послание о национальной гордости. В 1880-е годы появились почтовые открытки, на которых князь Бисмарк в позе Зигфрида стоит в кузне и кует меч национального единства. Что это?

На волне подобных настроений публике поначалу не понравились оперы Вагнера, посвященные Нибелунгам. Куда больше царившим тогда настроениям соответствовала «Немецкая песня» историка и литератора Феликса Дана (1834–1912). Последние строфы оповещали читателей: «Пусть побеждает враг, но пусть трепещет он, не до триумфа уж ему! Бороться до последнего стяга, изорванного неприятелем, бороться, пока не сломится клинок, бороться, пока последняя капля немецкой крови не пролилась из сердца. И смеяться, как смеялся когда-то Хаген, бросаясь на мечи навстречу смерти».

В период между основанием Второго рейха 1871 года и Второй мировой войной Нибелунги переживут очередной взлет популярности. Появится не менее 21 продолжения «Песни о Нибелунгах» и прочих переработок сюжета. Тон задавался издателем первого популярного перевода «Песни...» литератором Фридрихом-Генрихом фон дер Хагеном (1807):

«Ни одна другая песня не способна так тронуть немецкие сердца, так вдохновить их и укрепить, как эта... открывшая нам лучшие из мужских добродетелей: гостеприимство, щедрость, верность и дружбу до самой смерти, человечность, нежность и великодушие в борьбе, героизм, мужество, нечеловеческую смелость, ум и жертвенность во имя чести, долга и справедливости».

В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, появилась «Немецкая героическая сага» Фридриха Лейена (1912), в предисловии к которой ясно сформулированы национальные идеи: «Если мы хотим найти выход, мы должны попытаться вернуть героические сказания эпохи переселения народов... Их невероятные деяния и судьбы, их бесконечная непримиримая битва дадут германцам новые силы».

Из всех «добродетелей германцев» на первый план выходит жажда боя, воинственность; из «великодушия в борьбе» (по фон дер Хагену) в эру кайзера Вильгельма рождается «непримиримая битва». После Франко-прусской войны 1871 года многие патриоты впадут в самый форменный шовинизм: «Кровь Нибелунгов устремляется вновь по жилам твоим, Божий дух над тобой, о, Родина, и под гром фанфар войны возрастешь ты, изумляя мир, сердце Франции пронзив копьем» (Э.Гейбель, 1871).

Кайзер Вильгельм I именовался «Зигфридом немецкого народа» (И. Роденберг, 1872), а новый германский рейх — «Землей Нибелунгов». «С запада грядет буря, дождь стеной падет... Но чую я, из племени и рода Нибелунгов, вокруг меня нибелунгская земля» (А. Бартельс, 1896).

С аналогичным пафосом написана и работа Фридриха Вольтерса и Карла Петерсена, появившаяся в Бреслау после 1918 года: здесь в предисловии читаем и о «судьбоносном бытии немецкого народа», и о необходимости противопоставить «героический дух» «враждебному миру современности» («Героические сказания германцев», 1921).

Особенно жутковатое впечатление производят рассуждения о «нибелунгской верности». Уже из рассказов римлянина Тацита о германцах мы узнаем о верности этих племен друг другу. Историки литературы XIX века, рассуждая о героических сказаниях германцев, тоже довольно часто упоминали о данном понятии: «Это верность немецкого народа, благодаря песням ставшая незабываемым памятником общегерманских ценностей» (А. Вилмар, 1845).

Что же, пардон, прикажете подразумевать в данной истории под верностью? Предательское приглашение Кримхильды ко двору Этцеля, готовящее смертельную ловушку ее братьям? Или их предательство, завершившееся смертью Зигфрида? Или поведение самой Кримхильды, ссорящейся с Брунгильдой и предающей собственного мужа? Какая-то странная получается эта верность. Мягко говоря, смертоносная.

И надо полагать, рейхсканцлер Бернард фон Бюлов не вполне отдавал себе отчет, когда заявлял в Австрии о «верности Нибелунгов» 29 марта 1909 года: «Мои господа, я где-то прочитал пренебрежительные отзывы о нашей вассальной подчиненности Австро-Венгрии. Нет повода для насмешек! <...> Мы верны друг другу, как Нибелунги».

В то же самое время к рейхсканцлеру присоединится берлинский германист Густав Реете, заявивший о Нибелунгах: «Какое величайшее наследие оставили они нам — верность!» Верность чему имеют в виду немцы на подъеме патриотических настроений?

Миф о Нибелунгах вновь и вновь появлялся в Германии. В последний год Первой мировой войны — 1918-й — в политический жаргон политиков Германии войдет выражение «подлый удар в спину». Так, 2 ноября 1918 года один из политиков, Эрнст Мюллер, скажет своим слушателям в Мюнхене: «До тех пор пока идет война, мы обязаны соблюдать свой проклятый долг перед родиной. Иначе нам будет нестерпимо стыдно собственных детей и внуков, если мы нанесем подлый удар в спину собственной отчизне».

Гинденбург в 1920 году напишет в своих «Мемуарах»: «Как Зигфрид пал от подлого удара Хагена, так пал и наш фронт; напрасно мы пытались испить глоток новой жизни из источника наших национальных сил». Красивая метафора, впечатляет.

Нибелунги по-прежнему питали душу нации. Еще в XIX веке Зигфрид был объявлен национальным героем и символом немецкой мощи и решительности. Его убийство стало метафорой гибели немецкого владычества.

Пьесы в драматических и оперных театрах, книги для детей и шкальная литература — все было посвящено Нибелунгам. Адольф Гитлер в 1932 году скажет о педагогической ценности германских героических сказаний:

«Национал-социалистическое движение хочет воспитывать немецких мальчиков патриотами, сделать их гордыми и мужественными, научить никогда не склонять головы пред врагом... Немецкая молодежь тогда будет верна своему народу, даже когда он попадет в величайшую опасность. Все то, что восхищает вас в героических легендах и песнях, должно стать для вас примером для подражания». («Книга фюрера немецкой молодежи». Ольденбург, 1933). Так из героического эпоса Нибелунги окончательно превратились в идеологическое оружие.

В пересказах легенд о Нибелунгах Леопольда Вебера (1934), Герхарда Крюгеля (1937) и Ханса-Фридриха Блунка (1938) сюжеты «Песни...» были переработаны и «нагружены» идеологией. В особенности у Вебера — здесь несть числа нападкам на недочеловеков-гуннов. Так, воины Этцеля названы «крысами», выступившими против «немецких героев».

Даже замечательный фильм «Нибелунги» (1924) австро-германского режиссера Фрица Ланга не был полностью свободен от расистских стереотипов. В сценарии, написанном супругой Ланга Теей Харбоу в 1923 году, о гуннах сказано: «Нагие мужи, измазанные жиром, в повязках вокруг чресел, пьют из чаш, многие из которых чистого золота; пьют вино, смешанное

с людской кровью». Посвящение на титульном листе книги гласило: «Тебе и Германии». Как раз Нибелунги стали хорошей пробой на прочность семейного союза Ланга и Харбоу. В 1933 году Фриц Ланг покинет Германию, а Теа Харбоу останется делать свою театральную карьеру.

В художественном смысле для своего времени фильм был снят замечательно. Визуальные эффекты: дуэль в плаще-невидимке, стена пламени вокруг крепости Брунгильды или битва Зигфрида с драконом — до сих пор высоко оцениваются историками кинематографа.

Однако национал-социалистический строй даже после эмиграции режиссера, как ни странно, не запретил его фильм. И этот нонсенс подтверждает лишь одно: новый режим приветствовал экранизацию древних сказаний, возможность их популярного распространения. Даже экранизация Вайта Харлана, снявшего в 1940 году фильм по роману Леона Фейхтвангера «Еврей Зюсо, говорит о том, что новое фашистское правительство усмотрело в кино великое оружие пропаганды. А уж герои фильма Фрица Ланга, Зигфрид и его верная Кримхильда, в исполнении великолепных блондинов Пауля Рихтера и Маргареты Шеен и подавно воплощали пропагандируемый у наци идеал «арийской» красоты.

Настала эра оперы Рихарда Вагнера. Теперь его произведения — «культурный идеал». Особенно на популяризации наследия композитора настаивал англичанин Хьюстон Стюарт Чамберлен, идеальный представитель национал-социалистической расовой теории. Именно Гитлер спасет от банкротства Байротские фестивали.

Сталинград впишет в историю Нибелунгов особенно жуткую главу: Герман Геринг сравнивал Сталинград с окруженными в нем войсками с Нибелунгами в горящем королевском зале Этцеля. Весьма поэтично (патриотично, фанатично и романтично), но абсолютно по тексту недостоверно!

Вагнеровским похоронным маршем из «Сумерек богов» нацисты в апреле 1945 года сопровождали сообщение о смерти Гитлера. А что было делать? Нельзя же было не придать героические свойства бесславному и отчаянному самоубийству невротического вождя. Иными словами, до последнего момента режим по инерции рядился в одеяния Нибелунгов. Даже в те дни, когда стало очевидно, что пора переодеваться в более скромные одежды: халатиком там, к примеру, заpastись... тюремным.

Так или иначе, в эпоху мировых войн, между 1914 и 1945 годами, Нибелунги сделались идеологическим символом, кодом политического языка националистов, реакционеров, милитаристов и национал-социалистов. И, как следствие отождествления с ними, пугалом для последующей эпохи.

Но оставим это на совести прошлого века и вернемся, завершая наши изыскания, в точку отсчета — в век XXI, день сегодняшней.

Оглядываясь на пройденный путь, мы понимаем, что в действительности нам еще только предстоит расшифровать символическое значение Нибелунгов для человечества. Как, опять?! Да, возможно, и опять, и снова... Возможно, нам предстоит открыть новый смысл, услышать иное звучание. Почему нет? И возможно, это новое звучание уже не будет звуком битвы. Кто знает...

А пока, друзья мои, — привал. Отдыхаем до нового путешествия. Есть повод поразмыслить, просматривая еще и еще раз картины нашей ленты времени. Бережно, вникая в детали, вдыхая аромат прошлых исторических эпох. Понимая, что держим мы эту самую ленту времени — в своих руках...

Яустал, о, незнакомцы. Возможно, мне осталось сказать одно лишь слово перед смертью. Первое и последнее, что должны сказать все мы.

Я не знаю ни одного человека из моей истории, который не должен произнести

его.

Я не знаю ни одного человека в этом мире, который не должен произнести его. Нас всех смывает река времени, и лишь это слово останется.

Я произнесу его за павших, за обиженных, за забытых.

Это — мой крест в мире, и этого требуют мое сердце, моя душа, все мое существо.

Слушайте же мое слово, мое истинное, прекраснейшее слово. Первое и последнее слово всех забытых героев этой вечной истории.

Прощение... Ибо мы все виновны...